

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования



Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РУКОПИСНАЯ
КНИГА
В КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ОЧЕРКИ

Книга первая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Телом и словом письмо об-
лекает безгласные мысли,
говорящий листок их отно-
сит векам.

В. Шекспир

Есть, на наш взгляд, очень четкая и полная характеристика рукописной книги любого народа, а именно: это «... произведение... литературно-художественного, общественно-политического или практического содержания; средство распространения и сохранения идей, образов и знаний; орудие идеологической и политической борьбы, научного исследования и развития культуры; один из важнейших факторов человеческого прогресса» [КЛЭ, 1966, с. 609]. Из этого определения следует, что рукописная книга является результатом культурной деятельности общества — памятником культуры народа, а с другой стороны, она служит одним из важнейших источников развития этой деятельности, следовательно — источником развития и изучения культуры народа.

Тюркоязычная рукописная книга — очень сложное и специфическое явление: она получила свое выражение исторически в нескольких видах письменности, из которых арабская просуществовала у тюрков дольше других — последние десять (XI—начало XX) веков. Старейшие тюркоязычные арабописьменные сочинения относятся к XI в. [Этико-дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Наука о том, как сделаться счастливым») Йусуфа Баласагунского¹, составленная в 462/1069-70 г.], а старейшие их списки — к XIII в. [рукопись «Диван-и лугат ат-турк» («Словаря тюркских языков») Махмуда Кашгарского,

¹ Названия сочинений, имена авторов и других лиц, восточные термины приводим в упрощенной транскрипции, так как передача их в транскрипции, разработанной для каталогов рукописей, довольно далека от произношения и принятого написания таких названий, имен и терминов в соответствующих тюркских языках.

написанного в 466/1073-74 г., датирована 27 шаввала 664/1 августа 1266 г.]. Позднейшие сочинения и списки были созданы в начале XX в.: в Институте востоковедения АН СССР есть рукопись татарско-башкирского «Шаджаре» («Родословия») некоего Исмаила из Башкирии, написанного и переписанного автором в 1930 г. В ИВ АН УзССР хранится рукопись 1951 г. антологии хивинских поэтов и писателей, составленной Лаф-фаси в 1944 г. Подавляющее же число произведений и рукописей на тюркских языках приходится на XVIII—XIX вв., тогда как для XI—XIII вв. сохранились лишь единичные сочинения. Возможно, содержавшие их списки погибли или тюркоязычные произведения писались в то время в исключительных случаях — их заменяли ираноязычные (персидско-таджикские) и арабоязычные.

Тюркоязычная рукописная книга создавалась и переписывалась на огромном пространстве (включавшем современные Среднюю Азию, Западную Сибирь, Урал, Поволжье, Северный Кавказ и Закавказье, Крым, Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан, Индию, Синьцзян, Египет, Ирак, Сирию, ряд стран Балканского полуострова — Болгарию, Румынию, Югославию) и на многих тюркских языках (по принятым в настоящее время их названиям они определяются как турецкий, азербайджанский, туркменский, узбекский, уйгурский, татарский — даже с западносибирским его диалектом, — крымскотатарский, башкирский, казахский). В рукописях периода средних веков, а нередко и вплоть до начала XIX в. их язык определяется словом *тюрки*, служившим для обозначения литературного письменного языка вообще в отличие от народно-разговорного и имевшим в каждом ареале специфические локальные различия.

Современные тюркские народы представляют собой результат длительного и сложного развития отдельных родо-племенных и племенных союзов, народностей и объединений, возникших и распадавшихся на огромной территории — от Центральной и Средней Азии и Сибири до Кавказа, Малой Азии и Восточной Европы. Эти процессы были особенно значительными в XI—XIV вв. Они приводили к этническим контактам и смешениям с возникновением «своего рода интердиалектов, которые при определенных условиях оформлялись как письменный язык» [Грунина, 1971, с. 98]. Таковым являлся язык караханидской эпохи, оказавший влияние на возникновение и развитие письменных языков в других тюркоязычных районах в XII—XIV вв. При малой «подвижности» грамматических норм и общности лексики для всех них была характерна «известная свобода произносительных норм», что создавало смешанность этих языков в XIII—XIV вв. [Грунина, 1971, с. 99].

Поэтому языковое определение конкретных тюркоязычных письменных памятников XI—XIV вв. возможно только с учетом целого ряда исторических факторов, а именно: места и времени их создания, этноса автора и населения данной территории и т. п. К этому нужно добавить, что арабская графика почти не передавала фонетического состава гласных, а в некоторых случаях и согласных тюркских языков².

Длительные занятия, связанные с изучением и описанием арабописьменной тюркоязычной рукописной книги в собраниях ИВ АН СССР и, в меньшей мере, Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а также знакомство по печатным каталогам почти со всеми имеющими их коллекциями тюркоязычных арабографичных манускриптов мира позволяют нам выделить следующие основные историко-географические ареалы этой книги: восточнотуркестанский, среднеазиатский, малоазиатский (турецкий), закавказский (азербайджанский), поволжско-уральский. Все они настолько связаны с основными исторически сложившимися ареалами тюркской культуры, что можно говорить о тех же ее центрах, что и для указанной книги, но с некоторой разницей в границах: например, границы восточнотуркестанского «книжного» ареала для соответствующего ареала культуры должны быть значительно расширены, включив Монголию и некоторые прилегающие к ней территории, а сам этот «культурный» ареал должен быть определен как центральноазиатский. В перечень «книжных» ареалов не входят те, в которых в раннем средневековье (и позже) не было своей письменности (например, восточносибирские районы) или функционировали иные (пользующиеся не арабским алфавитом) письменности (к примеру, в восточноевропейских, некоторых закавказских районах). Вопрос о выявлении «культурных» и «книжных» ареалов, их идентификации и связей для определенного вида письменности из всех ее разновидностей, исторически использовавшихся тюркскими народами, очень сложный и требует специальных всесторонних исследований.

«Книжные» арабописьменные ареалы, так же как и «культурные», были тесно связаны между собой, особенно соседние и те, которые в силу существования некогда общих тюркских

² В трудах восточных филологов XI—XVIII вв. (в основном арабских), посвященных тюркским языкам, приводятся, например, такие фонетические пометы: ق — для обозначения основы мягкого ряда, چ — твердого ряда, ش — для правильного чтения согласных *e/p*, *i/č* (если при слове есть эта помета, то ب следует читать как *p*, а چ — как *č*). Имеются также пометы о соответствии согласных *γ/q*; *s/š*; *k/j*; *δ/j*, *δ/d* и др. [Фазылов, 1971, с. 83].

государственных и племенных образований были едиными или входили в одни и те же общности. Арабская письменность способствовала этому.

Так, были тесно связаны почти до XIX в. закавказский (азербайджанский) «книжный» ареал с малоазиатским (турецким) по языку (огузско-тюркская группа) и литературным традициям. Связана с малоазиатским ареалом и «туркменская ветвь» среднеазиатского, которая относится к последнему по культурным и литературным традициям, репертуару, оформлению манускриптов. То же можно сказать о восточнотуркестанском и среднеазиатском ареалах. Тюркскую рукописную книгу Крыма по языку, традициям, репертуару, оформлению рукописей следует отнести к малоазиатскому ареалу в качестве его ветви (почти до XIX в. тюркоязычные сочинения в Крыму писались на турецком языке, только поздние из имеющих в хранилищах — на крымскотатарском).

Несмотря на эти связи, каждый «книжный» ареал имеет свои истоки, историю развития, традиции, контакты с иноязычным окружением, преобладающий тюркский язык или языки, репертуар и в отдельных случаях специфику оформления рукописей.

Общим для всех рассматриваемых ареалов является количественное преобладание поэтических сочинений над прозаическими, религиозных над светскими (в несколько меньших размерах, чем в первом случае); бытование переводной (с иранских и, реже, арабского языка) и, в значительно меньшей мере, «комментаторской» литературы, а также ряда тематических разделов и жанров; обычность перемещения творцов (авторов и исполнителей, особенно наиболее известных и искусных) арабописьменных рукописных книг из одного «культурного» и, реже, «книжного» ареала в другой, от одного правителя к другому, что вызывало постоянное перенесение и смешение традиций, репертуара и т. п., определенная зависимость развития книжной мусульманской культуры от меценатства власть имущих.

Исходя из постоянно наблюдаемого (судя по печатным каталогам) численного соотношения между ираноязычными и тюркоязычными манускриптами по ряду хранилищ мира можно предположить, что если в мире не менее 200 тыс. ираноязычных рукописей, то тюркоязычных должно быть не менее 100 тыс. единиц. Приведем некоторые имеющиеся в печати цифровые данные: в ИВ АН УзССР до 17 тыс. рукописей, немного более 10 % из них (т. е. более 1700 единиц) — тюркские [Азимджанова, Вороновский, 1963, с. 127], в ГПБ в Ленинграде — около 400 [Демидова, Костыгова, 1963, с. 165], в ИВ АН СССР, по 410 нашим подсчетам, — до 1500. Судя по большому числу рукопи-

сей, созданных в районах расселения тюрков, и по тому, что до нас дошли и довольно старые манускрипты, можно говорить о большом и широком развитии рукописной книжной культуры у тюрков, их бережном отношении к рукописям.

Тематика тюркских рукописей очень разнообразна: история, хронология (календари), акты, переписка, география, биографии, родословные, агиография, библиография, энциклопедии, астрономия и астрология, медицина, минералогия, математика, языкознание (лексикография, грамматика), письменники, этика и философия, музыка, охота, военное дело, фольклор (стихи и проза), художественная литература (поэзия и проза), обрядники ремесленников, оккультная литература, учебные пособия. Для мусульманской рукописной литературы характерно соединение в одном произведении материалов разных тематических групп и жанров. Мусульманские ученые средневековья разработали свою классификацию наук со специальной арабской терминологией для их обозначения [Бартольд, 1966, с. 162].

Основная масса тюркских рукописных сочинений и их списков представлена поэзией, религиозной литературой и, в значительно меньшем количестве, историей. Более половины поэтических сочинений также религиозного содержания. Число сочинений в стихах более чем в два раза превышает число прозаических произведений. Видимо, первая и последняя тематические группы, особенно первая, пользовались наибольшим спросом у читателей и заказчиков рукописей, а количественное преобладание религиозной литературы над историей, например, обусловлено, вероятно, не спросом на нее, а традицией, порожденной и постоянно укрепляемой властью мусульманского духовенства и его огромным влиянием на все слои общества и на все стороны его жизни. Такое положение характерно для всего средневековья, ибо «богословие представляло собой „наивысшее обобщение“ социальной практики человека средневековья, оно давало общезначимую знаковую систему, в терминах которой члены феодального общества осознавали себя и свой мир и находили его обоснование и объяснение» [Гуревич, 1972, с. 12].

Однако запросы читателей, грамотность и образованность населения, его потребности, влияние своих и чужих, восточных и западных традиций, интересы правителей и их сановников обеспечивали указанное выше тематическое и количественное разнообразие тюркской оригинальной, переводной и комментируемой по-тюрки иноязычной книжной продукции таким образом, что светская литература и по форме (стихотворной) преобладала над богословской.

Среди тюркских манускриптов встречаются переводы с арабского и, в еще большей мере, с иранских языков, тюркоязычные комментарии на сочинения на этих языках. Появление тюркских переводов и комментариев было вызвано плохим пониманием или незнанием тюркским населением арабского и персидского языков. Требовалось переводить на «чистый» тюркский язык, избегая непонятных арабских и персидских выражений, а также «слов монгольского или калмыцкого» (калмыцкого. — Л. Д.) происхождения [см. рук. ИВ АН СССР В 764 (л. 2а) и D 120 (л. 10а), содержащие переводы «Дербенд-наме» («Книга о Дербенде») и «Тарих-и Рашиди» («История Рашиди»)].

Переводили исторические, географические, литературные (поэзия и проза), богословские, агиографические, этические, медицинские и некоторые другие сочинения. Выбор их определялся заказами представителей правящих кругов, духовного сословия, практическими нуждами высших и средних слоев тюркского общества. Комментировались в основном богословско-этические и, реже, литературные произведения. Переводы исторических и географических трудов выполнялись по непосредственному указанию правителей и вельмож или в дар им с целью ознакомления среднего сословия тюркоязычных районов с историей тюркских династий и племен, а тем самым — с целью возвеличения этих правителей.

До второй половины XI—начала XVI в. переводы встречались редко, уступая место самим оригиналам. Впрочем, и впоследствии переводческая деятельность в тюркских государствах была весьма ограниченной.

Переводы выполняли чаще придворные или профессиональные историки, писатели, поэты, как правило хорошо владевшие тремя основными языками мусульманской книжности, как, например, турецкие историки Мухаммед Сахиб Пири-заде, Ахмед-чауш, хивинский историк и поэт Агахи, Мухаммед-Садик Кашгари, узбекский поэт и писатель Бинаи и др. Обычно над переводом отдельного труда работал один переводчик, хотя были и случаи, когда завершал его другой или же перевод осуществлялся группой переводчиков [Собрание, 1952, с. 16—18].

Выполнялись текстуальные (почти всегда неточные) переводы целых сочинений, переводы-обработки частей и разделов оригиналов, которые заказчикам и переводчикам казались наиболее важными, имеющими самостоятельное значение для современных им условий. Переводчики обычно обращали внимание, как и всюду на мусульманском Востоке, не на точность,

412 а на занимательность для читателя своего перевода [Смирнов,

1898, с. 13], для чего в ряде случаев добавляли к оригиналу невероятные сведения и неточные даты [Крачковский, 1957, с. 522—524], иногда продолжали его до своего времени, интерполировали оригинал и сокращали его. И все это делалось с учетом интересов и вкусов заказчиков. Поэтому всегда оправданными были в конце предисловий или послесловий переводчиков их традиционные самоуничижительные формулы или «мольбы» (*илтимас*), подобные той, с которой обращался Мухаммед-Нийаз к читателям: «Все ошибки и погрешности, которые допустил ничтожный при переводе этой книги, пусть милостиво простят, пером исправления поправят и пусть не сделают сего немощного мишенью упрека, не бросят камень порицания, но простят и помянут в молитве благожелательства» (см. рук. ИВ АН СССР D 192, л. 71a) [Султанов, 1978, с. 149].

Для тюркоязычных рукописей, как и для всех мусульманских, характерны расхождения и разночтения в текстах различных списков одного памятника. Они вызывались обычно дополнениями, сокращениями, изменениями, искажениями, ошибками, допущенными их переписчиками. Однако часть расхождений могла быть вызвана и редактированием многих сочинений в процессе их «бытования» при жизни автора и после им самим или другими лицами. К сожалению, исследователи манускриптов чаще винят переписчиков не только в описках, но и в серьезных расхождениях, вместо того чтобы в ряде случаев попытаться обнаружить в последних следы вероятного редактирования сочинения. Это хорошо показано Э. Н. Наджибом на примере списков «Кутадгу билиг»: он определил две авторские редакции этого сочинения (первая была составлена автором, когда он жил на р. Чу; вторая — после его переселения в Кашгар) [Наджиб, 1974, с. 75—85]. Навои выполнил две редакции «Маджалис ан-нафаис» («Собрание драгоценностей»): первую в 896/1490–91 г., вторую, видимо, в 905/1499 г. Диван Навои составлялся и редактировался самим автором в течение всей его жизни. При каждом редактировании автор пополнял Диван новыми стихами, нередко менял его строение и переставлял отдельные ранние стихи, вкладывая в них новый смысл и совершенствуя их поэтическую форму. К сожалению, автографы авторских редакций Дивана до нас не дошли. Лирические стихи Навои собирали в диваны и в какой-то мере редактировали их и другие лица — как при жизни поэта, так и после его смерти. К настоящему времени удалось установить пять авторских и неавторских редакций Дивана Навои: 1) неавторские сборные диваны, составленные на материале ранних произведений поэта (одна рукопись); 2) авторская — первый Диван, под названием «Бадаи ал-бидайа» («Начало начал», 413

четыре рукописи); 3) авторская — второй Диван, под названием «Навадир ан-нихайа» («Редкости конца», одна рукопись); 4) лирический свод, озаглавленный «Хазаин ал-маани» («Сокровищница значений»), состоящий из четырех созданных в разные периоды жизни автора диванов (43 рукописи); 5) неавторские сборные диваны, составленные на материале «Хазаин ал-маани» (304 рукописи) [Сулейман, 1960; Дмитриева, 1964, с. 3—41].

Вынужденные использовать арабский алфавит и при этом оставить его в целом в неприкосновенности, турки внесли в него кое-что новое, сделав это вслед за ираноязычными народами по возможности фонетически обоснованно. Для ираноязычных *п, г, ч* были преобразованы такие же по месту артикуляции, но противоположные по звонкости *б, к, дж*: *پ > ب*; *گ > ک*; *چ > ج* [Кушев, 1980, с. 102—103]. Так же поступили и турки. Кроме того, они использовали *ط, ص, ق, ف* в словах с гласными заднего ряда. В ранних памятниках Малой Азии встречаем *харакеты* (огласовки) для передачи гласных, аффиксы писались отдельно от корня [например, в рук. ИВ АН СССР С 155, содержащей список 1255/1839 г. поэмы Ашик-паши «Гариб-наме» («Книга скитальца», 730/1330 г.), скопированной со списка 854/1450, встречаем: *آدِ وَارُ* и т. п.] В арабописьменных тюркоязычных памятниках различалось действие двух традиций: уйгурской (более полное написание гласных, употребление группы *ك* для передачи *ч*, использование *س* в словах с гласными заднего ряда; передача *п, ч*, отделение аффикса от корня) и арабо-иранской (неполное написание гласных, передача *ч* только через *ن* или только *گ*, употребление *ص* в словах с гласными заднего ряда, слитное написание аффикса с корнем, плеонастический *алиф* на конце слов, использование *тенвинов*) [Mansuroğlu, 1959, с. 162].

Со временем написание слов в тюркских арабописьменных памятниках установилось, закрепилось традицией: тюрки читали уже не так, как было написано, а как требовали того фонетические нормы его языка. Поэтому авторы и переписчики, используя все возможности арабского алфавита и указанных традиций, прибегали к различным натяжкам, порождавшим множество колебаний в написаниях. Колебания вызывались также неустойчивостью произношения, искажениями текста переписчиками (отражение особенностей языка самого переписчика и местного населения, влияние «требований» различных каллиграфических школ, особенно в средние века, и «правил» почер-
414
ковых стилей, описки и т. д.).

Производство тюркоязычной арабописьменной рукописной книги (изготовление бумаги, чернил, красок, выделка кож и картона для переплета, переписывание и переписчик, оформление рукописи и оформители, переплетение и переплетчик) в целом не отличается от такового для мусульманской рукописной книги вообще, и прежде всего для персидско-таджикской — самой близкой к тюркской рукописной книге по характеру и технике производства. Сведения о производстве мусульманской рукописной книги вообще и персидской в частности известны по многим публикациям³. Они уже заимствовались для подобной характеристики азербайджанской рукописной книги А. Ю. Казиевым [Казиев, 1977]. Поэтому не будем их повторять здесь, ограничившись некоторыми полученными нами из практики описания тюркоязычной книги добавлениями в обзоре ареалов.

Около сотой части тюркоязычных рукописей содержат в конце заключенных в них списков сочинений имя переписчика, дату и, значительно реже, место их переписки. Это относится не только к каллиграфически выполненным, но и к обычным спискам, переписанным рядовыми писцами и, чаще, просто грамотными людьми. В больших хранилищах очень редко встречаются два (три — еще более редкое явление) списка одного переписчика, обычно же каждый переписчик даже в них представлен одним списком. Каллиграфических списков всего не более 200—220. К сожалению, выявлением имен переписчиков по печатным каталогам и непосредственно по самим рукописям, установлением круга переписанных ими сочинений, изучением по возможности их жизни и творчества до сих пор почти никто не занимался не только применительно к тюркским, но и к другим мусульманским рукописям. Подобное исследование дало бы важные материалы для истории рукописной книги и вообще культуры тюркских и других народов Востока, пользовавшихся арабским письмом.

Художественными рукописями среди тюркских являются преимущественно старые, выполненные по заказу правителей, сановников и других известных лиц или для подношения им. Общее число таких манускриптов, судя по каталогам, очень незначительно, вероятно не более 150—200, а имеющих художественные миниатюры — не более 50—80. Подавляющее число украшенных миниатюрами и вообще художественно иллюстрированных манускриптов приходится на турецкие, узбекские (особенно староузбекские) и, несколько меньшее (так как и

³ Им уделяется достаточно внимания и в данном издании (см. очерки О. Ф. Акимовской, Т. И. Султанова).

вообще их меньше), на азербайджанские. Среди рукописей на других тюркских языках художественных образцов не встречается. С этим, конечно, перекликаются данные по истории культуры и искусства тюркских народов рассматриваемых ниже ареалов тюркской рукописной книги.

Почти среди всех языковых и тематических групп тюркских рукописей, сосредоточенных в хранилищах мира, есть уникальные (представлены лишь одним списком) или редкие, а также наиболее точно и полно воспроизводящие авторский оригинал. Есть и автографы авторов, переводчиков, комментаторов, а также переписанные известными и неизвестными, но превосходными мастерами-каллиграфами. Однако автографов меньше, чем художественных рукописей; переписанных каллиграфами несколько больше, чем художественных манускриптов. В ИВ АН СССР сравнительно больше автографов, чем в каком-либо другом хранилище (это преимущественно автографы тюркских, а не турецких авторов). Однако художественные рукописи с художественными миниатюрами и переплетами, можно сказать, единичны для этого собрания.

Большое значение имеют приписки на первых и последних листах (иногда на полях) рукописи, так как они могут содержать сведения о ее владельцах, о стоимости, в некоторых случаях — о ее содержании, авторе, а порою — данные по истории, социально-экономическим отношениям населения тех районов, где бытовала конкретная рукопись. Колофоны переписчиков могут содержать важные данные о них самих, о месте, причинах, дате переписки, иногда об истории списка и т. п. Однако для тюркоязычных рукописей указанные приписки и колофоны редко отмечаются в каталогах и других публикациях. Их изучение еще не производилось. Поэтому в обзоре ареалов тюркоязычной книги мы приводим лишь отрывочные сведения, полученные из таких приписок и колофонов.

Перейдем к рассмотрению тюркоязычной рукописной книги по ареалам. В посвященном каждому из них обзоре мы стремились показать истоки, историю развития, традиции, контакты, преобладающий тюркский язык (или языки), разнообразие репертуара, дать некоторые сведения о специфике оформления в нем рукописей (если таковая имелаась), т. е. все то, чем каждый ареал отличается от других. Конечно, приведенные данные далеко не полные, порою предварительные, общие, что объясняется большой сложностью поставленной задачи и тем, что делается это в таком плане впервые и в очень ограниченное время. Памятники восточнотуркестанского ареала рассматриваются здесь в тематическом плане, а всех других — в хронологическом. Это вызвано тем, что развитие арабописьменной литера-

туры в первом ареале как бы прерывается в XII в. и возобновляется уже через несколько веков, в XVIII в. В других ареалах таких разрывов не прослеживается. Задачами показать истоки и историю развития рукописной арабописьменной продукции каждого ареала обусловлены приводимые нами (необходимые, на наш взгляд) сведения историко-этнического и историко-лингвистического характера. Дальнейшее исследование поставленных здесь задач в связи с выделением и изучением ареалов тюркоязычной арабописьменной рукописной книги даст новые важные материалы⁴.

Малоазиатскому (турецкому) ареалу посвящен наш специальный очерк в данном издании, а среднеазиатский и восточно-туркестанский для позднесредневекового времени рассмотрены в очерке Т. И. Султанова.

ВОСТОЧНОТУРКЕСТАНСКИЙ АРЕАЛ

Территория этого ареала — бывший Восточный Туркестан, а в раннем средневековье — восточные районы Караханидского государства. Памятники ареала являются уйгурскими по языку, для раннего средневековья — тюркоязычными, с особенностями бытовавших в указанных районах Караханидского государства тюркских языков. Последние представлены единичными памятниками, уйгурских же насчитывается до сотни сочинений примерно в 300 списках.

Изучение мусульманской рукописной книги этого ареала и специально тюркской рукописи очень важно, так как Восточный Туркестан, являясь своего рода воротами Центральной Азии, стал ареной столкновения культур Индии, Китая, Ближнего Востока, как это прослеживается на материале рукописей уйгурским письмом и другими письменами, бытовавшими в Центральной Азии. Арабописьменные тюркские манускрипты этого ареала — сравнительно позднее явление его культуры.

В X—XII вв. его территория входила в состав Караханидского государства, этнической основой которого являлся карлукский тюркский племенной союз. В конце X в. в этих районах утвердился ислам, были объединены народы двух

⁴ В данном очерке по большей части делаются ссылки на тюркоязычные рукописи собрания ИВ АН СССР. Это объясняется тем, что данное собрание является единственным по разнообразию представленным в нем тюркских языков, тематических групп, широте хронологического и географического охвата сочинений и переписки их списков, их уникальности и редкости, сравнительному обилию автографов.

развитых для того времени культур: уйгурской на востоке и тюркско-иранской — на западе (Средняя Азия). Центрами первой являлись Баласагун и Кашгар, второй — Узгенд на Сырдарье. Большое влияние и распространение в государстве получили ираноязычная литература и иранские языки.

В Притяньшанье, к востоку от Кучара, и в восточной части Восточного Туркестана находилось Уйгурское государство, которое уже в IX в. восприняло буддизм и буддийскую культуру. Наряду со своей устной народной литературой здесь существовала «подражательная» или переводная буддийско-тюркская письменная литература. До конца XIV в., когда Уйгурское и Караханидское государства были завоеваны Чагатаидами, в них шли самостоятельные процессы этнического и культурного развития. Чагатаиды основывают на территории этих государств свое государство со столицей в Яркенде, получившее у восточных историков того времени название «Моголистан». Ислам стал господствующей религией на всей его территории. Усилилась внутренняя миграция. В XV в. началось бытование единой культуры и единых обычаев на этих землях, усилились связи со Средней Азией. В политической истории Моголистана начался длительный период внутренней феодальной борьбы.

В 80-е годы XVII в. власть перешла к мусульманским ходжам, сохранившим свое влияние и после присоединения Восточного Туркестана к Китаю в конце 50-х годов XVIII в. с образованием здесь провинции Синьцзян. В 60—70-е годы XIX в. провинцией правил воспользовавшийся политическими смутами в стране выходец из Кокандского ханства Якуб-бек.

Самыми ранними из дошедших до нас памятников этого ареала являются отмеченные выше поэма «Кутадгу билиг» Йусуфа Баласагунского (на р. Чу, недалеко от нынешнего города Токмака), написанная в 462/1069-70 г., и «Диван-и лугат ат-турк» («Словарь тюркских языков») первого тюркского филолога Махмуда Кашгарского, составленный в 466/1073-74 г. Сохранились три рукописи первого труда: венская переписана уйгурским письмом в Герате в 842/1439 г., каирская⁵ и наманганская — арабским письмом, без дат переписки. Второй труд известен по одной его рукописи 644/1266 г., переписанной в Дамаске с автографа самого автора, как указывает переписчик Мухаммед б. Абу-Бекр б. Абу-л-Фатх ас-Сави ад-Димишки. Судя по многочисленным ошибкам, он, видимо, не знал тюркских

⁵ Копией каирской рукописи, выполненной в 1898 г. по заказу В. В. Радлова для Азиатского музея, является рукопись ИВ АН СССР D12, имеющая на полях пометки В. В. Радлова и Э. Морица, в то время

языков, арабским же владел довольно слабо. Эта рукопись хранится в библиотеке Миллет-кутубханеси в Стамбуле. В «Словаре» есть указание автора на то, что он преподнес свой труд аббасидскому халифу ал-Муктади (шабан 467 — мухаррем 487/апрель 1075 — февраль 1094 г.). В колофоне списка, выполненного Димишки, сказано: «Составление было начато в первый день джумада I (4)64 и окончено после исправления, улучшения и четырехкратного переписывания в понедельник десятого джумада II 466 года». Следовательно, Махмуд Кашгарский начал «Словарь» в среду 25 января 1072 г., а закончил после «исправления, улучшения и четырехкратного переписывания», т. е. редактирования, 10 февраля 1074 г. Чтобы преподнести свое сочинение халифу, автор должен был прибыть в Багдад к апрелю 1075 г., когда ал-Муктади был провозглашен халифом. Если Димишки делал свой список (небрежно и с ошибками) с автографа автора, то этот автограф в отличном исполнении — так как преподносился он именно халифу — должен был находиться в Багдаде, а не в Кашгаре или другом городе Восточного Туркестана, что и объясняет факт переписки с него списка переписчиком из Сирии (из Дамаска), который, судя по нисбе, был родом из Сава (Иран). Но странно тогда, почему средневековые энциклопедисты, библиографы и биографы, кроме краткой заметки в «Кашф аз-зунун» («Раскрытие тайн») Хаджжи Халифы (1609—1657), не упоминают ни Махмуда Кашгарского, ни его сочинение [Кононов, 1972, с. 6—8].

«Словарь» Махмуда Кашгарского написан на арабском языке, но он включает в себя и огромный тюркский иллюстративный материал. Он содержит наряду с богатейшими сведениями о расселении тюркских племен, о лексике тюрков с указанием ее племенной принадлежности, о тюркской исторической фонетике и грамматике также классификацию тюркских языков, материалы по истории, географии, этнографии, поэзии и фольклору тюрков, самую старую тюркскую карту мира. Все это основано, как указывает автор, на данных, собранных им во время его странствий по землям тюрков. Вероятно, он использовал и труды своих предшественников. Словарь четырежды редактировался автором [Bazin, 1957, с. 23—24].

Судя по сохранившимся спискам сочинений, на территории восточнотуркестанского ареала нет произведений, написанных здесь в XII—XVI вв., и нет рукописей, переписанных здесь же в XI—XVI вв. В основном сочинения этого ареала датируются XI, XVIII—началом XX в. (автограф автобиографии Дила Убулмахди из г. Караходжи, составленный в 1909 г.). Время переписки рукописей — XVIII—начало XX в. [Мугинов, 1962].

Тематический состав всех известных уйгурских рукописей довольно разнообразен: исторические хроники, поэтические, религиозные, агиографические сочинения, гадания, маршрутные паломников, обрядники ремесленников; представлены также медицина, минералогия, охота; есть переводы различных исторических, религиозных и, меньше, литературно-художественных произведений с иранских языков⁶. Нет среди манускриптов рассматриваемого ареала сочинений географического, космографического, филологического⁷ (лексикография, грамматики, письмовники) содержания, энциклопедий, библиографий, антологий поэтов, актов и официальной переписки, математических сочинений, военных и учебных пособий.

События XVII—XIX вв. нашли широкое отражение в местной исторической мемуарной, включая агиографические сочинения, литературе. Среди исторических хроник назовем уникальные: сочинение Касим-бека о событиях в Кульдже до 1862 г., составленное по просьбе влиятельных людей этого города (рук. ИВ АН СССР В 4018); труд Мухаммеда Аляма по истории Кашгарии с 1279/1862-63 по 1295/1878 г., написанный в 1311/1894 г. для Н. Ф. Петровского (рук. ИВ АН СССР В 2322); автограф поэмы Умиди «Бадавлат-наме» («Книга о Бадавлате»), составленной в 1308/1890 г. для Н. Ф. Петровского (рук. ИВ АН СССР С 578); уникальные списки поэм того же Умиди — «Джанк-наме» («Книга о сражении»; рук. ИВ АН СССР В 292) и «Мактубча-йи хан» («Малое ханское письмо»; рук. ИВ АН СССР С 575) — последняя о событиях в Коканде в 1842—1885 гг. — и др.

Поэзию представляют поэмы Зелили (XVII—XVIII вв., из Яркенда) и его современника Невбати (из Хотана); сочинения Эрши (XVIII в., из Кашгара), Мухаммеда Садика Кашгари (конец XVIII—первая половина XIX в.), Низари (1770—1849 гг., из Кашгара), Турды Гариби [в 1841 г. он составил поэму «Китаб-и гариб» («Книга о диковинном»), повествующую о споре представителей 32 различных профессий], Зийаи (XIX в.), Билала Назима (1824—1899 гг., из Кульджи), Моллы

⁶ Таков тематический состав тюркских восточнотуркестанских рукописей, хранящихся в ИВ АН СССР. Первое «специализированное» — по месту переписки — описание уйгурских и узбекских рукописей этого собрания, переписанных в Восточном Туркестане, выполнено А. М. Мугиновым [Мугинов, 1962]. Тот же состав в целом повторяется в коллекции М. Хартмана (133 списка, среди которых несколько узбекских) [Hartmann, 1904], а также в собрании музея в Урумчи (74 списка, четвертая часть которых — узбекские) [Мухлисов, 1957].

⁷ Не считая отмеченного выше труда Махмуда Кашгарского.

Шапра (XIX в., из Уч-Турфана), Мухаммеда Салиха Йаркенди [в 1866 г. ему было 60 лет, написал поэму «Рисала-йи мактуб» («Сочинение-письмо») в честь падишаха Хан-Ходжама (рук. ИВ АН СССР С 584)] и т. д.

Агиографические сочинения — это 14 сборников конца XVIII—начала XIX в., содержащих жизнеописания про-рока, Фатимы, «друзей по пещере», «четырех зарезанных имамов», имамов Зейн ал-Абидина, Мухаммеда Бакира, Джафара Садика, Забиха, Мухашира, Абу-л-Кайса Хиджази, Афтах, Йусуфа, Хаким-ата, Абу Насра Самани, Абу-л-Фаттаха, Бахаддина, Нумана б. Сабита, Сетук Богра-хана и др. (рукописи ИВ АН СССР).

Обрядники ремесленников (кузнецов, каменщиков, ткачей, сапожников, земледельцев, мясников, торговцев и др. — коллекция ИВ АН СССР уникальна!) содержат легенды, повествующие о возникновении каждого вида ремесла; сообщения о *пиррах*-наставниках, почитаемых в каждом ремесле, с краткими поучениями.

Среди медицинских рукописей преобладают анонимные поздние сочинения по народной медицине (рук. ИВ АН СССР А 275, А 202, В 889). Есть уникальное произведение по минералогии «Джевахир-наме» («Книга о драгоценных камнях») — описание драгоценных камней и их свойств с указанием районов добычи и стоимости (в двух списках ИВ АН СССР — В 860 и В 861).

Охота представлена редкими сочинениями XVIII в. о ловчих птицах. Имеются также единичные маршрутники уйгурских паломников от Кашгара до Мекки и Медины и обратно (XIX в.). Есть редкие сборники сказаний о Малике, Шасенем и Шагарипе, Йусуфе и Ахмеде, Хурлыге, сборник уйгурских песен и сказок, записанных в 1909 г. жителем Караходжи Дила Убулмахди по просьбе С. Ф. Ольденбурга (рукописи ИВ АН СССР).

Переводы некоторых популярных в Средней Азии персидско-таджикских исторических сочинений выполнены в XVIII—XIX вв. по инициативе правящих или сановных лиц. Это «Тарих-и Хазаначи» («История Хазаначи») — перевод произведения «Тарих-и Бенакати» («История Бенакати», XIV в.), осуществленный в 1117/1706 г.; первый том «Раузат ас-сафа» («Сад радости») Мирхонда (XV в.), переведенный в 1150/1737 г. Мир Фазилом; три перевода труда Мухаммеда-Хайдара (XVI в.) «Тарих-и Рашиди» («История Рашиди»); один выполнен в 1160/1747 г. неизвестным переводчиком, другой — в 1253/1837–38 г. Мухаммедом Нийязом, третий — до 1265/1849 г. Мухаммед-Садиком Кашгари и др. Были переведены и литературные про- 421

изведения: сборники «Калила ва Димна» («Калила и Димна»), «Дараб-наме» («Книга о Дарии»), сказки «Кырк тути» («Сорока попугаев»), поэмы «Шах-наме» («Царская книга») Фирдоуси, «Йусуф ва Зулейха» («Йусуф и Зулейха») Джами и т. д.

Комментарии встречаются чрезвычайно редко. Из них назовем уникальный список уйгурского комментария к узбекской этической поэме Бабура «Мубаййин» («Разъясняющий»), выполненный Абу-л-баки Аксуи (время составления неизвестно; рукопись музея в Урумчи) [Мухлисов, 1957, с. 34].

Рукописи восточнотуркестанского ареала составлялись и переписывались в разных городах и местностях этого ареала: Кашгаре, Хотане, Яркенде, Аксу, Каракаше, Янгихисаре, Туксузкенте, Фускаме, Ташимлике и др. Переписывали рукописи разные переписчики, но среди них есть такие, которым принадлежат несколько списков (от двух до четырех): Мухаммед Йусуф-ходжа (4 списка), Мухаммед Йакуб (3), Аййуб-ахунд и Абу-л-Мумин-ахунд (3), Ахмед Мискин Гедай (2), Турдушмулла (2), Закир-имам Аксуи (2) и т. д.

Среди рукописей восточнотуркестанского ареала есть автографы авторов, уникальные и редкие списки (они отмечались выше). Имеются манускрипты с пометками об их стоимости; судя по такой пометке, например, рукопись перевода сочинения «Тарих-и Рашиди», выполненного Мухаммед-Садиком Кашгари, была куплена за 30 таньга (рук. ИВ АН СССР С 569). Все списки коллекции С. Ф. Ольденбурга имеют его приписки о времени, месте их приобретения и о стоимости в восточнотуркестанских ланах и чолах: так, рукопись сочинения о ловчих птицах (не ранее XVIII в., рук. ИВ АН СССР В 874) куплена в Кучаре 5 февраля 1910 г. за 2 чола; список «Тазкира-йи Богра-хан» («Жизнеописание Богра-хана») приобретен там же 6 февраля 1910 г. за 5 ланов (список 1256/1840-41 г., рук. ИВ АН СССР D 113); рукопись автобиографии жителя г. Караходжи Дила Убулмахди (начало XX в.) куплена в Турфане 29 ноября 1909 г. за 3 лана (рук. ИВ АН СССР В 779). Иногда встречаются приписки, характеризующие социально-экономические отношения в Восточном Туркестане XVIII—XIX вв.: в рукописи конца XVIII в., содержащей сочинение «Тазкира-йи азизан» («Жизнеописание святых») Мухаммад-Садики Кашгари, указывается в приписке, что некий Мухаммед Салих в 1253/1838-39 г. (приписка сделана значительно позже времени переписки рукописи) отдал своего сына Ахун-ходжу на один год в работники к Садик-баю и за это при трех свидетелях получил 23 таньга. На внутренней стороне переплета этого манускрипта —
422 другая приписка о том, что в 1260/1844 г. некий Хаджир-ходжа

отдал в работники своего сына Йулдаш-ходжу на один год за 11 танга (рук. ИВ АН СССР С 583).

В процессе описания тюркских рукописей ИВ АН СССР мы обратили внимание на то, что в большинстве своем уйгурские и узбекские рукописи из Восточного Туркестана имеют картонные, обтянутые темно-коричневой грубой кожей переплеты с очень скромным и сравнительно редким геометрическим тиснением (без позолоты); бумага толстая, грубая, сероватая с проступающим на поверхности необработанным волокном; почерк крупный, довольно небрежный, словно текст писался как бы наспех и плохо зачиненным каламом. Есть рукописи, написанные на более тонкой, глянцевои, светлой бумаге среднеазиатского образца. Все такие рукописи близки по оформлению в целом к среднеазиатским. Однако этих манускриптов меньше, чем первых, и представляют они, как правило, поэтические, литературно-художественные, некоторые религиозные, иногда переводные труды.

По характеру бумаги и стилю письма (крупное, небрежное) можно предположить, что в восточнотуркестанском ареале употреблялись местные сорта бумаги и сохранялся свой стиль письма. В какой-то мере это объясняется особенностями оформления рядовых древнеуйгурских манускриптов уйгурским письмом.

Во дворцах местных правителей восточнотуркестанских городов были личные библиотеки. Такая библиотека, например, по сообщению переводчика сочинения «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Нийаза, имелась в 30—40-х годах XIX в. у правителя Хотана Мухаммеда Азиз-ванга. В ней были представлены прекрасные по оформлению и сохранности рукописи (рук. ИВ АН СССР D120, л. 106—11а).

Уйгурские рукописи есть в Ленинграде (собрание ИВ АН СССР), в Ташкенте (ИВ АН УзССР), в крупных зарубежных хранилищах. Ими представлены коллекции музея в Урумчи и в Берлине (собрание М. Хартмана). В ИВ АН СССР уйгурскими являются коллекции Н. Ф. Петровского, Я. Я. Лютша (оба служили в Восточном Туркестане в консульствах, торговых миссиях и т. п.), С. Ф. Ольденбурга — все они специализированно собирали уйгурские рукописи.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ АРЕАЛ

Данный ареал занимает территорию Средней Азии. Границы его исторически менялись и при Тимуридах включали на юге район Герата, а при Бабуридах — Северной Индии. Основным 423

тюркским языком ареала являлся до XVII в. староузбекский и затем узбекский. В раннесредневековый период им предшествовал тюркский язык с огузско-кыпчакскими особенностями: в разное время и на различных тюркоязычных территориях в разной степени проявлялись те или другие. Численно тюркоязычные (преимущественно староузбекские и узбекские) рукописи этого ареала составляют до одной трети всех тюркских манускриптов.

Выделение западного культурного района Караханидского государства в XI в. способствовало росту значения в нем Хорезма и консолидации здесь огузо-кыпчакских племен. В Хорезме XII—XIV вв. создано несколько памятников тюркоязычной литературы — их язык близок к языку указанных выше памятников Караханидского государства XI в., но имеет и отличительные огузо-кыпчакские черты. По географическому принципу (принадлежность Хорезма к территории Средней Азии) мы относим хорезмийские памятники XII—XIV вв. к образцам среднеазиатского ареала тюркоязычной рукописной книги.

Самым ранним ее памятником в этом ареале являются стихотворения-*хикматы* (мудрые изречения) поэта-мистика Ахмеда Йасеви (ум. в 562/1166 г.)⁸. Они были собраны в диваны, сохранившиеся лишь в более поздних списках, новых по языку, которые широко распространялись среди тюркского населения разных районов, различаясь как по количеству хикматов, так и по их составу.

Известный хорезмийский богослов и филолог Махмуд б. Омар Замахшари (ум. в 538/1143 г.) создал по поручению хорезмшаха Атсыза (523—551/1128—1156) большой арабский словарь «Мукаддимат ал-адаб» («Введение в словесность») с некоторыми грамматическими разделами. Уже современные автору рукописи словаря сопровождались подстрочными глоссами на разных восточных языках, в том числе и на тюркском, бытовавшем в Хорезме. С таких манускриптов копировались и все более поздние списки (бухарский 989/1492 г., самаркандский, ташкентский).

Сулейман Бакиргани, или Хаким-ата, шейх-мистик конца XII—начала XIII в. из местечка Бакирган (под Хорезмом), составил религиозные поэмы, широко распространявшиеся в сравнительно поздних, поновленных по языку манускриптах:

⁸ В г. Туркестане Чимкентской области (Казахстан) находится мавзолей, сооруженный в XIV в. над могилой Ахмеда Йасеви. Он был реставрирован в 1979 г. и превращен в музей. В нем сохранилось помещение 424 древней *китапханы* — библиотеки рукописей.

«Бакирган китаби» («Книга из Бакиргана»), «Мариам китаби» («Книга о Марии»), «Ахир заман китаби» («Книга о конце мира»).

К XII—XIII вв. относится так называемый среднеазиатский тефсир на Коран (из Карши; рук. ИВ АН СССР С 197), изданный А. К. Боровковым [Боровков, 1963]. Али написал в 609/1212-13 г. (в некоторых рукописях ошибочно указан 630/1232-33 г.) поэму «Кисса-йи Йусуф» («Сказание о Йусуфе»), воспроизводящую библейско-кораническую легенду о Йусуфе — Иосифе Прекрасном. Она составлена в Хорезме [Наджиб, 1976] (различные исследователи относили поэму к разным тюркским языкам).

В 1220 г. Хорезм был завоеван монголами, и до 1379 г. он связан с Золотой Ордой. В этот период в хорезмийских областях создаются религиозные сочинения: «Кисас ал-анбийа» («Сказания о пророках») Насира б. Бурхана из местечка Рибат-и Огуз (под г. Туркестаном), составленное в 710/1310-11 г. для правителя Насиреддина Ток-Буга. Произведение это, более известное под названием «Кисас-и Рабгузи» («Сказание Рабгузи»), было широко распространено среди тюрков. Имеется более поздняя его узбекская редакция. Поэма «Хосров и Ширин» Кутба была написана в 742/1341-42 г. в Хорезме или в Средней Азии. В Хорезме создана и поэма «Мухаббат-наме» («Книга дружбы») Ходжа-бега Хорезми (был жив в 754/1353 г.).

Староузбекский литературный язык сложился в XV в. — в период формирования узбекской народности — на базе литературных тюркских языков Караханидского государства, Хорезма и особенно улуса Чагатай с определенным участием и народных языков этих районов. Завершение его формирования и расцвет относятся к периоду творчества Навои (1441—1501). Этот язык продолжал жить и в образовавшихся после распада государства Тимуридов (1405—1506) Бухарском, Хивинском, Кокандском ханствах, сыграв большую роль в создании письменных языков соседних тюркоязычных народов — туркмен, казахов, каракалпаков, уйгуров [Баскаков, 1969, с. 307].

Хронология сочинений, написанных в среднеазиатском ареале: XII в. (хикматы Ахмеда Йасеви) — середина XX в. (антология хивинских поэтов и писателей, составленная в 1944 г. Лаффаси). Хронология переписанных в этом ареале рукописей: XIV в. (список «Кисас-и Рабгузи» в ИВ АН УзССР) — начало XX в. (список этой антологии, датированный 1951 г.). Основная же масса сочинений и рукописей приходится на XVIII—XIX вв.

Тематика староузбекских и узбекских сочинений этого ареала разнообразна: история, биография, мемуары и путешествия — 425

вия, география и космография, астрономия и астрология, медицина, охота, военное дело, музыка, этика и политика, филология (лексикография, грамматика), письма и официальные документы, поэзия, художественная проза, фольклор, драматургия, хрестоматия, агиография, религия, суфизм, гадания, обрядники ремесленников.

При Тимуридах культурными центрами были Самарканд и Герат. Большое внимание уделялось наукам, литературе (поэзии), искусству. Из поэтов данного периода следует назвать Ходженди (конец XIV—начало XV в.), Секкаки (первая половина XV в.), Лутфи (768—870/1366—1465), Атаи (XV в.). В правление Султан-Хусейна Байкары (1469—1506) поэзия получает свою классическую форму в творчестве Навои и его современников — самого Байкары, Дурбека и др. В этот период основные виды и формы ираноязычной классической поэзии творчески перерабатываются и воспроизводятся на тюркском материале; распространяется и народная поэтическая форма — *туйуг*, особенности которой были сформулированы впервые Навои в сочинении «Мизан ал-авзан» («Весы размеров»). Помимо литературных произведений в 886/1481–82 г. он написал «Вакфийа» («Вакуфная запись») о передаче своей земли в вакф мечети Ихласийа в Герате; около 894/1488–89 г. составил краткую историю древних персидских царей и правителей «Тарих-и мулук-и аджам» («История персидских царей») и др.

В XVI в. правила династия Шейбанидов (1506—1598), их столицей был Самарканд. Родоначальник династии Шейбани-хан (1506—1510) писал стихи, покровительствовал ученым и поэтам. При его дворе работали: поэт Мухаммед Салих (ум. в 941/1534 г.), составивший поэму «Шейбани-наме» («Книга о Шейбани»); неизвестный автор редкого исторического труда «Таварих-и гузида нусрат-наме» («Избранные истории — Книга побед»), написанного в 908/1502–03 г.; Бинаи — автор ираноязычных трудов и переводчик с персидского на староузбекский космографии «Аджаиб ал-махлукат» («Диковинки сотворенного»). В 931/1525 г. Насраллахи составил всеобщую историю мусульманских династий до года ее написания «Зубдат ал-асар» («Суть летописей»), известную лишь в двух списках — рук. ИВ АН СССР D104 и рук. ИВ АН УзССР [Собрание, 1952, № 69]. В XVI в. Тимурид Бабур основал государство Великих Моголов (Бабуридов) в Индии. Сам Бабур составил исторические мемуары-хронику «Бабур-наме» («Книга Бабура»), поэму «Мубаййин», трактат об арузе. При дворе Бабуридов писали туркменский поэт Байрам-хан (ум. в 1561 г.), его сын Абдурахим Мирза, который перевел на персидский язык «Бабур-

В XVII—XVIII вв. в качестве культурных центров Средней Азии выдвигаются Бухара, Хива. В Бухаре в этот период работали такие писатели и поэты, как Имам-Кули-хан (1602—1640), Субхан-Кули-хан (1680—1702), Кул-Шериф (1618—1692), Машраб (1657—1711), Суфи Аллаяр (ум. в 1721 или 1723 г.), Хувайда (ум. в 1780 г.), Сайкали (1730—1797), Турды (ум. в 1700 г.), Абиди (ум. в 1828 г.). В Хиве трудились: Абулгази-хан, составивший в 1661 г. по просьбе туркменских старейшин Хивы «Шаджаре-йи теракима» («Родословная туркмен»), а затем «Шаджаре-йи турк» («Родословная тюрок») — сочинение, законченное в 1666 г. согласно предсмертной воле автора неким Махмудом б. Мухаммедом Заманом Ургенчи, участником и очевидцем описанных событий. Здесь же работал поэт Хасан-Кули Ахсани (XVII в.). В конце XVIII в. неизвестный автор написал историю походов Шейбани-хана (855—916/1452—1510) «Шейбани-наме» («Книга о Шейбани»).

В XIX в. в Хиве творили придворные историки, поэты и переводчики. Так, Мунис (1778—1829) и его племянник Агахи (1809—1874) составили хронику ханства «от сотворения мира» до 1241/1825 г. «Фирдавс ал-икбал» («Райский сад благополучия»). Затем по поручению ханов Агахи написал еще ряд хроник их правления: «Рийаз ад-давлат» («Сады счастья» — с 1241/1825 до 1258/1843 г.), «Зубдат ат-таварих» («Суть истории» — с 1258/1843 по 1262/1846 г.), «Джами ал-вакиат-и султани» («Собрание султанских событий» — с 1261/1845 по 1271/1855 г.), «Гулшан-и давлат» («Цветник счастья» — с 1272/1855 по 1281/1864 г.), «Шахид ал-икбал» («Свидетель успеха» — с 1281/1864 по 1289/1873 г.). Мудеррис Иш-Мурад ал-Алави написал сочинения «Тарих-и Саййид Мухаммед-хани» («История Саййид-Мухаммед-хана») в 1278/1861 г. и «Тарихче-йи Мухаммед-Йакуб-ходжа» («Краткая история Мухаммед-Йакуб-ходжи») в 1280/1863-64 г., посвященные правлению династии инаков с 1219/1804 г. до времени хана Саййид Мухаммеда (1272—1281/1855—1864). В XIX в. работали поэты Камил Хорезми (1825—1899), Фируз (Мухаммед Рахим-хан II, годы правления: 1865—1910) и др.

В Юканде в XIX в. писали Омар-хан (1810—1822), Фазли, Гулхани, Хазик, Махмур, Муками (1858—1909), Фиграт (1886—1938?), Хамза Хаким-заде (1889—1929) и др. Из авторов XX в. назовем Раджи (ум. в 1908 или 1910 г.), Камйаба (1861—1922), Мирзу (1840—1922).

Только в среднеазиатском ареале хорошо представлены словари к сочинениям Навои, например: «Лугат-и Абушка» («Словарь Абушка»), составленный в 959/1551-52 г.; «Мунтахаб ал-лугат» («Избранный словарь») Мухаммеда Ризы, напи-

санный в 1213/1798 г., обнаруженный в 1974 г. в ИВ АН УзССР словарь в стихах «Нисаб-и Наваи» («Происхождение Навои»), переписанный на полях списка «Хамсы», («Пятерицы») Навои в 1571 г. [Умаров, 1974, с. 74] и т. д.

Обрядники ремесленников наиболее полно и интересно характеризуются их собранием в ИВ АН СССР (коллекция С. М. Смирнова). Это обрядники кузнецов, медников, токарей по дереву, котельщиков, каменщиков, прядильщиков, валяльщиков войлока, сапожников, портных, плотников, маляров, мастеров по изготовлению светильников, горшечников, мыловаров, стрелков, профессиональных борцов, цирюльников, торговцев, мясников, маслобойщиков, пивоваров, земледельцев, мельников, пастухов и др. (рук. ИВ АН СССР В 1900 и др.).

Любопытны сборники XIX в., содержащие записи *диванбеги* о сборе хараджа, о разных расходах и т. п.

В среднеазиатском ареале выполнено довольно большое число переводов и меньше — комментариев. Оригиналом обычно являлись ираноязычные и, значительно реже, арабоязычные сочинения. Чаще переводились исторические произведения (особенно сочинения по всеобщей истории мусульманского мира и те, которые касались местных династий), географические и космографические, этико-политические и этико-дидактические, медицинские, литературно-художественные, религиозные труды. Комментировались религиозные, этические и грамматические сочинения.

Переведены с персидского на узбекский язык исторические труды: «Раузат ас-сафа» Мирхонда (XV в.) — перевод выполнен Раджи, судя по данным списка ГПБ в Ленинграде (шифр Г. н. с. 7), в середине XIX в. (1-й том, автограф переводчика, — рук. ИВ АН СССР D136); «Дурра-йи Надири» («Надинова жемчужина») Мухаммеда Мехди-хана (XVIII в.) — перевод Мухаммеда Назара и Агахи (XIX в.); «Мунтахаб ат-таварих» («Извлечение из историй») Мухаммед-Хакима (середина XIX в.) — неизвестного переводчика (вторая половина XIX в.) и др. Выполнены перевод-обработка малоизвестного персидского сочинения «Джами ал-макаमत» («Собрание степеней духовного совершенства») Абу-л-Бака ибн Бахаддина ибн Махдум-и Азама (начало XVII в.), составленная в 1108/1696-97 г. Мухаммедом-Садиком Йангихисари; перевод в 1241/1825 г. Дилаваром персидских мемуаров Васифи «Бадаи ал-вакаи» («Удивительные события») XVI в.; переводы Мухаммедом Хусейном Махдумом (дата перевода неизвестна) персидского космографического и географического сочинения ал-Балхи «Маджда ал-гараиб» («Собрание диковинок») в 974/1566-67 или 984/428 1576-77 г.; перевод Хатифа-Кули в 1251/1835-36 г. с персид-

ского автобиографии Тимура «Тузук-и Тимури» («Уложение Тимура») 1047/1637-38 г. и др.

Сочинения составлялись, а рукописи переписывались в различных городах и районах Средней Азии. В меньшей мере списки переписывались также в Восточном Туркестане, Индии, Афганистане, еще реже — в Турции, Иране, Поволжье, на Урале, в Азербайджане.

Среди рукописей среднеазиатского ареала имеется целый ряд автографов авторов и переводчиков: Муниса, Агахи, Раджи, Мукими, Хамзы и др. Есть несколько уникальных (в ИВ АН УзССР — десять) и редких манускриптов, например: сочинение Агахи «Зубдат ат-таварих» («Суть историй»), представленное лишь двумя списками (один — в ИВ АН СССР, рук. Е6, другой — в ГПБ, рук. Т. н. с. 22, в Ленинграде); автограф уникального списка докладной записки кази Самарканда муллы Камала о местных событиях 1285/1868-69 г. русским властям (рук. ИВ АН СССР С 1690). Имеются рукописи, переписанные известными каллиграфами, интересные содержащимися в них приписками, и т. п.⁹

Списки староузбекских сочинений чаще иллюстрированы художественными миниатюрами, *унавнами*, заставками и чаще имеют художественные переплеты, чем рукописи на других тюркских языках (т. е. других ареалов тюркоязычной рукописной книги арабским письмом).

Гератская художественная школа, известная самыми искусными образцами оформления рукописной книги, достигла наивысшего расцвета в правление Султан-Хусейна Байкары и в период творчества Навои. На базе этой школы во второй половине XVI в. в Мавераннахре функционировала художественная школа, прекратившая свое существование в последней трети XVI в. В XVII в. наблюдался подъем в искусстве рукописной миниатюры, приведший к образованию во второй половине XVII в. новой художественной школы в Мавераннахре [Акимускин, Иванов, 1968, с. 135]. Образцы первой мавераннахрской школы представлены в оформлении и в 15 миниатюрах рукописи «Таварих-и гузида нусрат-наме», переписанной в 970/1562-63 г. (Британский музей) [Иванов, 1968, с. 194]. С мавераннахрской школой связано творчество таких миниатюристов, как Мухаммед-Муким, Аваз-Мухаммед, Мухаммед-Амин, Ходжа Гедай.

В XVIII—XIX вв. с образованием более или менее самостоятельных Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств

⁹ Об этом частично говорится в очерках О. Ф. Акимускина, Т. И. Султанова.

сложились некоторые художественно-оформительские особенности для переписываемых в каждом из них рукописей: например, в Хивинском ханстве в XIX в. такой особенностью являлся строгий черный кожаный переплет с тиснением [Мамедова, 1974, с. 49—53].

На территории среднеазиатского ареала, судя по источникам, было довольно много богатейших придворных и частных библиотек мусульманских рукописей. Назовем некоторые из них.

В Самарканде в XI—XIII вв. были значительные библиотеки. В Мерве в XII в. находились библиотеки семьи ас-Самани, в конце XIII в. — библиотека Рашид ад-Дина (1247—1318), при которой существовала мастерская каллиграфов и оформителей рукописей [Мугинов, 1958, с. 352]. В Бухаре в начале XV в. появилась публичная библиотека, основанная шейхом Мухаммедом Парса (ум. в 1419 г.) [Семенов, 1958, с. 912—913]. В конце XIV—первой половине XV в. в Самарканде функционировала библиотека, собранная Тимуром (1370—1404) и затем перешедшая к его внуку Улугбеку (ум. в 1449 г.). В Герате придворную библиотеку составил Байсункар (ум. в 1433 г.), там же в XV в. существовала библиотека Навои [Якубовский, 1946, с. 20]. В Бухаре в XVII в. рукописи собирали правители из рода Аштарханидов Абд ал-Азиз (1645—1680) и его брат Субхан-Кули-хан (1680—1702) [Семенов, 1958, с. 913]. Во второй половине XIX—начале XX в. в Хиве функционировала библиотека хана Мухаммед-Рахима II (1865—1910) [Самойлович, 1909]. В начале XX в. имелось несколько частных библиотек в Фергане (например, А. Фитрата)¹⁰ и Бухаре [Валидов, 1915, XXII, с. 303—320], частное собрание Джурабека (убит в 1906 г.) в Ташкенте и др. Хотя частные библиотеки рукописей в Средней Азии, как и в других странах Востока, были малодоступны и почти не изучались, но благодаря им сохранился целый ряд ценнейших памятников письма [Азимджанова, Вороновский, 1963, с. 113]. Однако «судьба всех частных собраний дореволюционной Средней Азии в общем печальна. По смерти... библиофила все его имущество делилось по шарияту на составляющие доли между его наследниками и наследницами. О целостности многотомного рукописного труда в этих случаях не заботились, поэтому отдельные тома попадали в разные руки» [Семенов, 1958, с. 912].

Рукописи на староузбекском и узбекском языках в подавляющем большинстве хранятся в Средней Азии (УзССР), что

¹⁰ В этой библиотеке находился намавганский список «Кутадгу 430 биллиг» Йусуфа Баласагунского [Малов, 1951, с. 224].

видно по ташкентскому каталогу [Собрание, 1964]. В меньшем, но все же значительном числе (до 400—450 списков) есть они и в Ленинграде (в основном в ИВ АН СССР и несколько десятков их в ГПБ), представлены во всех хранилищах СССР (кроме Казани) и ряде зарубежных. Памятники староузбекского языка во многих хранилищах представлены главным образом рукописями сочинений Навои. Памятники тюркского языка, бытовавшего в Хорезме, встречаются редко — преимущественно в Средней Азии, Ленинграде, отчасти в Казани, в некоторых крупнейших зарубежных хранилищах.

При Бабуридах (XVI—XVII вв.) контакты между Средней Азией и Индией становятся более тесными и широкими: в Индию из Ферганской долины, Самарканда, Бухары, городов Хорасана приглашают крупнейших поэтов, ученых, медиков, каллиграфов, миниатюристов, архитекторов, музыкантов. В XVI в. в Индии формируется язык урду, принявший арабскую письменность. Это в определенной мере способствовало взаимобогащению культур народов Индии, Средней Азии, Восточного Туркестана и других, пользовавшихся арабской письменностью.

В хранилищах Индии имеется много переписанных в этой стране и за ее пределами староузбекских рукописей: хайдерабадский список «Бабур-наме» (издан А. Беверидж в 1905 г.), калькутская рукопись того же сочинения; три списка Дивана Бабура (XVIII в.); сокращенный персидский перевод в стихах трактата Бабура об арузе, выполненный в XVIII в. Азфари Карагани (находится в Мадрасе); поэмы Хайдара Хорезми, Дурбека, Лутфи, списки Дивана Зебунниса-бегим; оды ташкентского поэта XIV в. Бедреддина Чачи, переписанные в Индии (хранилище Академии художеств в Сринагаре). Уникальными являются: написанный в Ширазе Диван (включает 1051 газель, ряд касид и рубай) хорезмийского поэта конца XIV в. Абдуррахима, бежавшего из Хорезма в Шираз, где он познакомился с известным персидским поэтом Хафизом, имя которого в форме «Хафиз из Хорезма» стало псевдонимом автора; сборник философско-дидактических поэм узбекского поэта первой половины XV в. Саида Касими, состоящий из «Маджма ал-ахбар» («Собрание известий»), «Гулшан-и раз» («Цветник тайн»), «Хакикат-нама» («Книга сущности») и «Илахи-нама» («Книга о боге», переписанная в 1044/1634 г. в Бухаре). Рукописей сочинений Навои мало: его персидский «Диван-и Фани» («Диван Фани»), поэма «Лисан ат-тайр» («Язык птиц»; переписана в Герате в начале XVI в.), роскошная рукопись персидского перевода «Маджалис ан-нафаис» («Собрание избранных») — все хранятся в Хайдарабаде. Есть труды Улугбека, 431

Али Кушчи, Ибн Сины, автограф Джами «Джевами ат-тибийан фи тафсир» («Свод достоинств, [проявляемых] в комментарии») на арабском языке, семь строк автографа Саади на рукописи его сочинения, переписанной в XIII в. ученым-филологом Замахшари, и др. [Сулейманов, 1980, с. 68—72].

Д. Неру справедливо полагал, что «моголы были чуждым элементом и чужестранцами в Индии» [Неру, 1955, с. 252], так как Бабуриды постоянно стремились сохранить свой родной язык, писали на нем. Так, турецкий адмирал Сиди Али Реис, владевший узбекским языком и писавший на нем стихи, сообщает в своей книге «Мират ал-мамалик» («Зерцало стран»), что «при Хумаюн Мирзе среди дворцовой знати был распространен чагатайский язык и часто проводились поэтические вечера на чагатайском языке» [Сиди Али Реис, 1963, с. 33]. Аурангзеб сделал староузбекский язык государственным языком. В этот период придворный ученый Мухаммед Йакуб Чинги составил узбекско-персидский словарь «Келур-наме» («Книга жатвы»), один список которого хранится в ИВ АН УзССР, а другой — в Британском музее в Лондоне [Хафизова, 1972, с. 97—98].

Ветвью среднеазиатского ареала можно считать территорию, населенную туркменами (Туркменская ССР) и географически относящуюся к Средней Азии. В XV—XVII вв. важную роль в формировании старого туркменского литературного письменного языка, отчасти и разговорного, играл староузбекский, являвшийся литературным языком всей Средней Азии того периода. Основными памятниками старого письменного туркменского языка могут служить: религиозное сочинение в стихах «Ревнак ал-ислам» («Светоч ислама»), составленное в 865/1464–65 г. поэтом Вепаи (рукописи его распространены в поновленном языковом варианте); некоторые туркменоязычные тексты из «Шаджаре-йи теракима» Абулгази-хана (XVII в.); записи произведений туркменских народных поэтов XVIII—XIX вв.: Азади (1700—1760), Нур-Мухаммеда Гаиба (ок. 1711—1765), Шабенде (1720—1800), Магрупи (1735—1795), Махтумкули (1733—1783), Гаиби (его современник), Саййиди (1768—1830), Зелили (ок. 1790—1844), Кемине (1770—1840), Молла Непеса (1810—1862), Андалиба (был жив в 1233/1817–18 г.), Катиби (1820—1881), Мухтаджи (1824—1884), Мискин Клыча (1845—1905), Кёр-моллы (1872—1934) и др.

К XIX в. относится историческое сочинение Абд ас-Саттара-казы «Книга рассказов о битвах текинцев», а также уникальные списки ИВ АН СССР, посвященные истории туркмен со времени их появления на Мангышлаке до переселения сары-

ков и салоров в Мерв (рук. В 725-III) и со времени переселения сарыков из Чарджоу в Мервский оазис в 1182/1768-69 по 1319/1901-02 г. (рук. В 725-I), история сарыков в 1183/1769-70 (рук. D21).

В Рампуре (Индия) хранится Дивап туркменского поэта XVI в. Байрам-хана, переплетенный в одну книгу с собранием лирики Камрана — сына Бабура [Сулейманов, 1980, с. 72]. В ИВ АН СССР есть три сборника стихов туркменских поэтов XIX—начала XX в., составленные в 1906—1908 гг. для А. Н. Самойловича в Туркмении (рук. В 725, рук. D 21, рук. С 162).

Из приведенного следует, что ранние туркменские сочинения относятся к XV в., основная же часть туркменских произведений — к XVIII—началу XX в. Время переписки рукописей — XVIII—начало XX в. Переписывались они в Туркмении и, редко, в Средней Азии, Поволжье, на Урале. Тематика этих сочинений: поэзия, история, религия. Среди записей произведений народных поэтов есть уникальные и редкие. Художественно оформленных манускриптов нет. Старые рукописи имеют «рядовое» среднеазиатское оформление, новые не являются обычно собственно рукописями (это тетради с записями).

ЗАКАВКАЗСКИЙ (АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ) АРЕАЛ

Территория данного ареала включала восточную часть Закавказья (современный Северный, или советский, Азербайджан, а также Дагестан) и северные районы Ирана (Южный, или Иранский, Азербайджан). Основным языком ареала являлся азербайджанский (исторически он представлен староазербайджанским и азербайджанским). Ему предшествовал в ранне-средневековое время тюркский язык огузо-кыпчакского типа с некоторым (все возрастающим) преобладанием в нем огузских черт. Сведений об общем количестве тюркоязычных арабописьменных рукописей, созданных в этом ареале на местном тюркском языке, нет. Судя по данным каталогов, полагаем, что их насчитывается в целом до 100—120 списков.

К XI в. тюркоязычное население в закавказском ареале стало преобладающим в связи с передвижением огузо-кыпчакских тюркских племен из Средней Азии на запад, в Переднюю Азию. Часть из них оказалась в Закавказье, преимущественно в Азербайджане, что способствовало значительной языковой тюркизации этого района. В течение XI—XII вв. в Переднюю 433

Азию почти постоянно приходили и оседали здесь все новые группы огузов, кыпчаков, а также уйгуров, канглы, халаджей, образуя в целом конгломерат данных племен с общим для них всех ираноязычным субстратом. В XIII в. на базе местных и пришлых огузо-кыпчакских племен на территории ареала формируется азербайджанская народность. В Южном Азербайджане складывается и сохраняется более «чистый» огузо-тюркский язык, в языке Северного ярче проявляются кыпчакские элементы [Демирчизаде, 1947, с. 3—14].

История азербайджанской литературы начинается в XIII в. творчеством поэта Хасана-оглы (Пури Хасана). Дошедшие до нас ранние образцы тюркоязычной арабографичной письменности данного ареала датируются XIII—XIV вв. Это лексикографические труды «Сихах ал-аджам» («Чистый иранский язык») Фахреддина Нахчивани и «Сихах ал-фурс» («Чистый персидский язык») его сына Шемседдина [Мәммәдова, 1976, с. 110].

Хронология составления сочинений для закавказского ареала: XIII—XIV вв. («Хулийат ал-инсан ве халибат ал-лисан» — «Мысли человека и сфера языка» Ибн Муханны) — начало XX в. (например, сочинения Неджеф-бека Везирли, умершего в 1926 г.). Хронология переписки рукописей в этом ареале: XVI в. (список Дивана Фузули из Южного Азербайджана — рук. ИВ АН СССР В 3973 и др.) — начало XX в. (список сочинения Неджеф-бека Везирли, хранится в АН АзССР).

В конце XIII или в XIV в. филолог Джамаледдин ибн Муханна составил сочинение, содержащее словарь и грамматику огузско-тюркского языка, характеризующееся явными элементами уйгуро-тюркского языка Восточного Туркестана, — «Хулийат ал-инсан ве халибат ал-лисан» («Мысли человека и сфера языка») в Южном или Северном Азербайджане [Мелиоранский, 1900; Малов, 1928]. К XV в. относятся: тюркский Диван поэта-хуруфита Имадеддина Насими (уб. в 820/1417 г.); сочинение по музыке «Макасид ал-адвар» («Цели вращения») Нуреддина Мараджи (составлено в 1413 г.); труды поэтов Касима Энвера (ум. в 1434 г.) и Бадра Ширвани (ум. в 1451 г.); редкий Диван Кишвери [Гәһрәманов, 1976, с. 36, 52]; словарь «Бахр ал-гариб» («Сокровищница чудес») Халими [Гәһрәманов, 1976, с. 71].

В XVI в. творили несколько крупных поэтов и писателей, рукописи их трудов (в особенности Фузули) имеются в ряде стран, где хранятся вместе с турецкими, так как они часто рассматриваются именно как турецкие. Это Диван и поэмы «Дех-наме» («Десять писем»), «Насихет-наме» («Книга нраво-
434 учения») уроженца Азербайджана, персидского шаха Исмаила

Сефевы (907—930/1502—1524), писавшего на своем родном тюркском языке под псевдонимом Хатаи; поэмы и прозаические произведения Мухаммеда б. Сулеймана Фузули (903—963/1498—1556), собрание сочинений которого находится в каллиграфически переписанной в Багдаде рукописи 998/1589-90 г. (рук. ИВ АН СССР С 1924) [Бертельс, 1962, с. 493—502]; поэма «Йусуф и Зулейха» Замири (ум. в 973/1565-66 г.; рук. ИВ АН СССР Е 12); уникальнейший Диван Рахмати Тебризи (современника Фузули — в АН АзССР).

В XVII в. были созданы: жизнеописание поэтов «Маджма ал-хавасс» («Собрание избранных»), написанное писателем, поэтом, каллиграфом, миниатюристом и воином Садик-беком Афшаром (был жив в 1058/1648 г.)¹¹; тюркский Диван Саиба Тебризи (1012—1081/1603—1671); Диван Ахмеда Нишати (ум. в 1085/1674 г.); произведения Мухаммеда-Али (ум. в 1680 г.) и др. Вероятно, в XVII в. уроженец Азербайджана Акташи по поручению Чубан-бека, сына дагестанского правителя Гирей-хана, «переложил по-тюркски» известное персидское сочинение «Таварих-и Дербенд-наме» («Книга историй Дербенда») Казвини (рук. ИВ АН СССР В 764, 1225/1810 г.).

К XVIII—началу XX в. относятся сборник стихотворений шекинского хана Хасана (XVIII в.), произведения Вагифа (1717—1797), Вели Видади (1709—1809), Закира (1784—1857), Аббаскули Бакиханова (1794—1848), Мирзы Шафи (1792—1852), Хуршид-бану Натеван (1837—1897), Ахунд-заде (Ахундова, 1812—1878), Неджеф-бека Везирли (1854—1926) и др. Уникальное сочинение по истории Дербенда составил в 1244/1828-29 г. Шуаи (рук. ИВ АН СССР А 1016). Хроники Мирзы Джамала, Мир Мехти Хазани, Мирзы Ахмеда представлены автографами в АН АзССР. Историю Карабаха «Карабаг-наме» («Книга о Карабахе») написал Мирза Адигузел-бек в 1845 г. по просьбе тифлисского вице-губернатора М. П. Колюбакина (ее списки хранятся в ИВ АН СССР и АН АзССР; в ИВ АН СССР — рук. В 1881, переписанная через три года после составления сочинения). Автобиография Мирзы Адигузел-бека имеется в рукописях ИВ АН СССР (рук. В 1881 и рук. В 762) и АН АзССР. Сборники азербайджанского фольклора XIX в., медицинские (в основном народная медицина) и другие произведения имеются в хранилищах АН АзССР.

¹¹ Сохранилось несколько его миниатюр. На одной из них (рук. ИВ АН СССР D 181) изображен Тимур-хан Туркмен (л. 16). Этот портрет, начатый Садик-беком в 1020/1611-12 г., был закончен Муин-мусавиром в 1095/1683-84 г. [Казиев, 1959, с. 183—187]. Садик-бек написал по-персидски «Трактат о живописи» («Канун ас-сувар»), изданный в 1963 г. А. Ю. Казиевым.

В закавказском ареале сильным и длительным было влияние ираноязычных литературы, языка, искусства. Это сказалось в том, что в XIV—XVI вв., например, преобладающее число произведений написано на иранских языках, очень популярными являлись списки сочинений Джами и других классиков персидско-таджикской литературы [Нагыјева, 1963, с. 125], в лексике письменного азербайджанского языка большое место занимали заимствования из иранских языков и через них — из арабского. Что касается других тюркоязычных литератур, то в XVI—XIX вв. были популярны труды узбеков — Навои, Байкары, Улугбека, турок — Ламии, Печеви, Недима, Сабита, туркмена Махтумкули.

С целью популяризации династии Сефевидов в Южном и Северном Азербайджане Мухаммед-катиб Нишати Ширази в 949/1542-43 г. перевел с персидского жизнеописание родоначальника этой династии шейха Сефеддина (ум. в 735/1334 г.) «Сафат ас-сафа» («Чистота радости») Таваккули б. Исмаила б. Баззаа (1759/1358 г.) и «Раузат аш-шухада» («Сад мучеников») Ваиза Кяшифи (перевод имеет другое заглавие: «Шухаданаме» — «Книга о мучениках»). Назовем и уже упоминавшийся перевод истории Дербенда Казвини, выполненный, вероятно, в XVII в. Акташи. Переводческая деятельность, конечно, получила свое развитие в закавказском ареале, но, так как изучение ее еще специально не производилось, пока трудно говорить о ней более определенно. Полагаем все же, что меньшее, чем в других рассмотренных ареалах, число переводов с иранских языков, возможно, свидетельствует о лучшем знании местным тюркским населением этих языков.

Созданные здесь тюркоязычные сочинения написаны в разных городах и местностях Северного и Южного Азербайджана и Дагестана. Рукописи обычно переписывались там же и — несколько реже — в Турции, Средней Азии. Среди манускриптов есть автографы поэтов, писателей, историков, рукописи уникальные и редкие, каллиграфически исполненные и художественно оформленные, имеющие прекрасные миниатюры. Так, в АН АзССР хранятся автографы названного выше хрописта XIX в. Адигузел-бека, карабахского ученого, поэта и художника Мир Махсун Навваба (списки его азербайджанских и персидских сочинений 1883, 1897, 1899 гг.) [Маъйлова, 1963, с. 115]; автографы турецких авторов: Ниматаллаха — составителя словаря (947/1544 г.), Сабита — создателя дивана (1124/1712 г.) и др.

Культурным центром Азербайджана в средние века и позже был Тебриз. Здесь сосредоточивались обычно лучшие поэты, писатели, ученые, каллиграфы, миниатюристы. Сведения о них

и их творчестве хорошо известны. Отметим только, что едва ли имеются фактические данные для выделения особой азербайджанской художественной школы второй половины XVI—начала XVII в. [ср.: Казиев, 1964, с. 5—30]. В результате исследований специалистов выяснилось, что относимые к ней мастера по стилю работы принадлежали к казвинской и исфаханской персидским художественным школам [Иванов, 1967, с. 203].

Большое число азербайджанских (и староазербайджанских) арабописьменных рукописей хранится в Республиканском рукописном фонде АН АзССР, где сосредоточено до 350 тыс. списков рукописных сочинений на различных языках [Султанов, 1961, с. 7]. Рукописи произведений Фузули, Насими, Саиба Тебризи имеются во многих хранилищах СССР и зарубежных. Например, до 30 списков Дивана Насими насчитывается в хранилищах СССР (Азербайджан, Грузия, Армения, Узбекистан, Туркмения, Ленинград), Англии, Франции, Чехословакии, Италии, Турции, Ирана, арабских стран [Каграманов, 1973, с. 31—36]. В ИВ АН СССР имеется до 25—30 азербайджанских манускриптов.

ПОВОЛЖСКО-УРАЛЬСКИЙ АРЕАЛ

Его территория — Поволжье и Урал, основной письменный язык — татарский (и старотатарский), в раннем средневековье — тюркский язык кыпчакского типа с огузскими и булгарскими особенностями. По рукописным арабографичным памятникам этого ареала особенности башкирского языка почти не проявляются. Манускрипты поволжско-уральского ареала составляют более четвертой части всех тюркоязычных рукописей.

В IX—X вв. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье шел процесс формирования булгарского тюркского государства и булгарской народности, завершившийся к XII в. В соседних тюркских степных районах (Дешт-и Кыпчак) кыпчакский язык в результате «поглощения» родственных тюркских языков — огузского и булгарского — приобрел в XI—XIII вв. некоторые общие с ними черты [Баскаков, 1969, с. 146—147]. После монгольского завоевания возникло государство Золотая Орда (в восточных источниках оно называлось улусом Джучи или Голубой Ордой) со ставкой Сарай Бату возле современной Астрахани, а затем — Сарай Берке (или Новый Сарай) на нижней Волге (в районе Ахтубы). К концу XIII в. оно подчинило булгаров, Дешт-и Кыпчак, Русь, Крым, Северный Кавказ и Север-

ный Хорезм. В Золотой Орде сложился свой литературный письменный язык, который сначала пользовался двумя письменностями (уйгурской и арабской), а с середины XIV в. — только арабской. Видимо, арабская письменность пришла к тюркам Поволжья и Урала из Средней Азии, а не непосредственно от арабов, с которыми они (булгары) уже в X в. имели связи через халифских послов (посольство Ахмеда б. Фадлана от халифа Муктадира к болгарскому царю Алмушу в 922 г.). В XV в. Золотая Орда распалась и выделилось три самостоятельных ханства: Крымское (в 1443 г.), Казанское (в 1438 г.), Астраханское (в 1459 г.).

Так как исторически в государстве Золотой Орды сложилось два культурных центра (Хорезм и Египет), то все созданные на его территории за время существования Золотой Орды тюркоязычные письменные памятники можно разделить на две группы: восточную (Хорезм и смежные с ним территории) и западную (районы Поволжья, южнорусских степей, Крым и земли к западу от него, включая Египет, куда кыпчаки эмигрировали из южнорусских степей во время монгольского нашествия и где они создали свое государство мамлюков).

Памятники первой группы относятся к среднеазиатскому ареалу (они были указаны в его обзоре), памятники второй группы были созданы на указанной выше территории. Старейшие из них датируются XIII—XIV вв. Это тюркоязычные материалы из составленного в 1245 г. в Египте анонимного тюрко-арабского словаря (издан Т. Хоутсма); аналогичные материалы из тюрко-арабского словаря с грамматическим очерком «ат-Тухфат аз-закиййа» («Дары сообразительности»), написанного также в Египте в XIII—XIV вв. с целью обучения арабов тюркскому языку; такие же материалы из словаря и грамматики арабского филолога Абу Хайяна, отражающей особенности бытовавшего тогда в Золотой Орде кыпчакского тюркского языка с элементами сравнения его с огузским тюркским языком той эпохи (составлен в 1313 г.). Это поэма «Кисса-йи Джумджума» («Сказание о Джумджуме») Хусам-катиба (был жив в 770/1369-70 г.); дастан «Кисекбаш китаби» («Книга о Кисекбаше» — XIII—XIV вв.); «Нахдж ал-фарадис» («Райский путь») Махмуда б. Али (759/1357-58 г.); арабско-кыпчакский словарь «Китаб-и булгат ал-муштак фи-л-лугат ат-турк ва-л-кифчак» («Распоречивая желанная книга на языке тюрок и кыпчаков») Джамаладдина ат-Турки (первая половина XV в.), содержащий также сравнительные данные о кыпчакском и огузском языках; поэзия Камала Умми (XV в.).

Мамлюкские султаны покровительствовали искусствам, наукам и литературе. Некоторые из них знали арабский язык и

занимались литературой (Кайыт-бай, Кансу Гаври), но большинство их говорило только на родном тюркском языке, который поэтому имел в государстве мамлюков большое значение и должен был как-то восприниматься местным арабским населением. Это и явилось причиной создания здесь нескольких тюрко-арабских словарей и грамматик, тюркоязычных религиозных и других сочинений. О довольно широком распространении тюркского языка в мамлюкском Египте сообщают и арабские источники [Амин ал-Холи, 1962, с. 31—32].

Тюркский язык, на котором создавались такие сочинения, имел три диалекта. Сохранившиеся письменные памятники распределяются по ним несколько условно, порою с отнесением одного и того же памятника к двум разным говорам внутри диалекта, что обуславливается неизученностью их языка. Диалекты: 1) собственно кыпчакский [памятники: перевод «Гулистана» («Цветник роз» — XIII в.) Сайфи Сарайи; «Иршад ал-мулук» («Наставление правителям») Берке Факиха; сочинения неизвестных авторов: «Китаб би итарат ал-вазих» («Книга ясного управления») и «Мунийат ал-гузат» («Цель победителей»)]; 2) огузо-кыпчакский (смешанный) с двумя говорами: один — с преобладанием восточнотюркских элементов [памятники: «Китаб фи илм ан-нушшаб» («Книга науки о напитках») или «Хуласа» («Сущность»), «Китаб ал-хайл» («Книга толпы»)], другой — с преобладанием старотурецких элементов [памятники: «Китаб фи-л-фикх би лисан ат-турки» («Книга права на языке тюрков»), или «Китаб ал-фикх» («Книга права»), или же «Хуласа»; «Китаб ал-хайл» («Книга толпы»), «Китаб би итарат ал-вазих» («Книга ясного управления»), «Китаб-и мукаддимат-и Аби-л-Лайс ал-Самарканди» («Книга введения Абу-л-Лайса ас-Самарканди»)]; 3) старотурецкий [памятники: стихи султанов Кайыт-бая (1468—1495), Кансу Гаври (ум. в 1517 г.); перевод сочинения Айни, выполненный в XIV в. Кудури; «Фарах-наме» («Книга радости») Камал-оглу (XIV в.), произведения Зарифа (XIV в.), «Хикмат-наме» («Книга мудрости») Балу (XV в.), перевод «Шах-наме», выполненный Хусейни в 916/1510 г. [РФТГ, 1964, с. 297—300] (в 952/1545 г. перевод этого же сочинения был сделан Шерифом Амиди по приказу султана Кансу Гаври)].

По времени составления арабописьменные тюркоязычные памятники поволжско-уральского ареала относятся к XIII—XIV—началу XX в. (например, автограф сборника стихов, песен, личных и памятных записей Азизы Самитовой по 1925 г. — рук. ИВ АН СССР В 4106), по времени переписки — в основном к XVIII—началу XX в. Тематика их довольно разнообразна: история (главным образом местная, полулегендарного харак-

тера), маршрутки паломников, поэзия, художественная проза (в небольшом количестве, чаще — переводы с персидского), фольклор, лексикография, медицина (народная), религия, учебные пособия (представлены широко).

К ранней татарской (на территории Казанского ханства) письменной литературе следует отнести поэмы «Тухфа-йи мардан» («Дар мужей», 946/1539 г.) и «Нур-и судур» («Свет сердец», 948/1542 г.) Мухаммедяра и «Таварих-и Булгарийа» («История Булгарии») Булгари (XVI в.).

В XVIII — начале XX в. создано немало произведений на татарском языке: «Исмаил сейяхати» («Путешествие Исмаила») — описание хаджа в Мекку некоего Исмаила (вторая половина XVII в.); описание хаджа Умар-угли Мухаммед-Амина в 1783—1786 гг.; сочинения Абу-л-Муниха (1782—1826), Абдаррахима Утыз-Имани [(1754—1834); поэмы: «Бадавам китаби» («Книга с продолжением»), «Авариф аз-замап» («Дары времени»); комментарий к поэме «Сабат ал-аджазин» («Твердость слабых») Суфи Аллаяра], Таджеддина Йалчигул-угли [(1768—1838); комментарий к той же поэме, названный «Рисала-йи Азиза» («Сочинение для Азизы»)], Гази (был жив в 1825 г.), Умара б. Мухаммеда [(первая половина XIX в.); поэма о путешествии наследника Александра Николаевича в Оренбург в 1837 г.], Абд ал-Джаббара Кандаля [(1797—1860); несколько поэм], Хибаталлы б. Саййид Баттала [(1794—1867); поэма «Маджма ал-адаб» («Собрание приличий»)], Али Чукры [(1826—1889); поэма «Алами хади» («Знамена проповедников») и др.], Шемседдина Суфи [(ум. в 1889 г.); поэмы и касыды]; произведения историков и писателей XIX в.: Салихи (история булгар), Шихабеддина Марджани [(1815—1889); история булгар, Казанского ханства]; труды Каййума Насыри [(1825—1902); энциклопедия «Фаваких ал-джуласа» («Плоды собеседников»); учебники геометрии, географии, представленные в ИВ АН СССР в авторских автографах, и др.], Шайх-заде Бабица (1895—1919), Фатиха Халиди (1850—1923), Азизы Самитовой (1862—1929) и др. Сочинения многих авторов XVIII—начала XX в. широко бытуют в Поволжье и на Урале в ряде списков, большая часть их издана.

На этой же территории были созданы эпиграфические (эпитафии на камне), документальные (ярлыки, родословия) памятники арабской письменности на башкирском и татарском языках. В результате археографического обследования Башкирии в настоящее время выявлено до 3 тыс. списков мусульманских сочинений, среди которых преобладают татарские, но есть и несколько башкирских. Тематика, содержание их пока не-

Среди татарских рукописей нередко встречаются сокращенные переводы и переводы-обработки арабских религиозных сочинений, комментарии к ним и некоторым узбекским религиозным произведениям [например, комментарий Утыз-Имани к «Сабат ал-аджазин» Суфи Аллаяара; несколько анонимных переводов и комментариев к «Касида-йи бурда» («Ода о плаще») Бусири и т. д.]. Переводов ираноязычных трудов меньше, это главным образом литературно-этические сочинения [«Калила ва Димна» («Калила и Димна»), «Кабус-наме» («Книга Кабуса») и т. д.].

Сочинения создавались (а рукописи переписывались), вероятно, в разных городах и местностях рассматриваемого ареала, однако указываются они очень редко. В различные исторические периоды границы данного ареала менялись, но как бы исконным «центром» («основой») для него обычно оставалась территория Поволжья (реже — Урала). Каллиграфически переписанных списков в ареале нет, но имеются очень четко и аккуратно выполненные известными лицами. Например, заключительную часть сочинения «Таварих-и Булгарийа» Булгари, судя по почерку, переписал К. Насыри (рук. ИВ АН СССР В 2615). Разные тюркоязычные рукописи переписал в бытность свою в Петербурге Х. Фейзханов (рук. ИВ АН СССР В 747, D 126 и др.). Утыз-Имани переписал списки сочинений ряда известных ирано- и арабоязычных авторов (Джелаледдина Руми, Саади, Аттара, Хафиза, Газали и др.), сводный текст поэмы «Кисса-йи Йусуф» составил Али, избавив его от поздних интерполяций (издан в 1839 г.), такую же работу он проделал над «Месневи» Джелаледдина Руми, «Сабат ал-аджазин» Суфи Аллаяара [Шарипов, 1973, с. 12—13]. Обычно среди татарских рукописей много переписанных не профессионалами-переписчиками, а учениками (*шакирдами*).

В данном ареале имеются автографы авторов-историков Са-лихи, Марджани; писателей и ученых К. Насыри, Я. Адути, М. Х. Курбангалиева (в ИВ АН СССР и в Казанском государственном университете); переводчиков и комментаторов, например Утыз-Имани. Встречаются уникальные и редкие манускрипты: автограф одного из составителей латинско-татарского (1754 г.) и татарско-латинского словарей (1755 г.), которые создали европейские миссионеры (члены ордена капуцинов) в Астрахани Габриеле и Сотер (рук. ИВ АН СССР D 621, D 649); поэма Умара Б. Мухаммеда о путешествии наследника Александра Николаевича в Оренбург (рук. ИВ АН СССР В 325), дневник Азизы Самитовой (рук. ИВ АН СССР В 4106) и т. д. Есть списки поздних татарских произведений (чаще XIX — начала XX в., обычно это автографы) с цензорскими пометками и подписями Р. Р. Розена, В. Д. Смирнова (в собрании 441

ИБ АН СССР); например, автограф учебника географии К. Насыри, который был составлен в 1877 г., имеет пометки и подпись цензора В. Р. Розена (рук. ИБ АН СССР А 1067).

Художественно оформленных тюркоязычных арабописьменных рукописей в поволжско-уральском ареале не обнаружено. Ранние образцы манускриптов этого ареала оформлены в стиле арабских (видимо, египетско-мамлюкских) рукописей: переплеты из темной гладкой кожи поверх картона, в редких случаях — с небольшим геометрическим узором без позолоты, но чаще вообще без тиснения; белая, сравнительно тонкая бумага западноевропейского производства; скромная, сделанная чернилами рамка для текста; строгий прямой почерк насх; отсутствие унванов. Поздние (XVIII—начало XX в.) образцы определяются по русским картонным переплетам с кожаным темным корешком (они могут быть обтянуты дешевой цветной хлопчатобумажной тканью), плотной грубой (но лощеной) русской (белой, серой и голубой) бумаге, небрежному скорописному виду почерка насталик. Большинство таких манускриптов найдено уже без переплетов (они получили их в стенах хранилищ), поврежденными от сырости, грязи (земли), огня, червоточин — как следствие их хранения в земле в бурное революционное время начала XX в., так как местные муллы пугали население тем, что мусульманские рукописи будут уничтожены новой властью.

Рукописи поволжско-уральского ареала, прежде всего татарские, находятся в основном в Татарии и Башкирии (недавно в Уфе создано хранилище рукописей), несколько меньше их в Ленинграде (ИБ АН СССР, ЛГУ), в очень небольшом количестве есть они в других хранилищах Советского Союза и зарубежных (отдельные ранние образцы арабографичной письменности данного ареала). Знаменательно, что татарские манускрипты в большем числе встречаются лишь в собраниях, которые были приобретены в районах, населенных татарами. В Египте больше списков памятников, созданных там в период государства мамлюков.

Заметим, что татарские рукописи рассматриваемого ареала служили средством приобщения ряда других малых тюркоязычных народов России к литературе и культуре народов Востока (арабов, иранцев, узбеков, турок), к русской культуре.

* * *

Будучи тесно связанной с мусульманской рукописной книгой — наследницей огромного культурного богатства народов
442 Востока, тюркская рукописная книга прочно занимала третье

по численности образцов (но не по значению) место после арабской и персидско-таджикской. Нередко списки арабских и ираноязычных сочинений входили в один сборник, одну рукописную книгу вместе со списками тюркоязычных произведений, переводов и комментариев. Поэтому в хранилищах оказываются собранными вместе арабо-, ирано- и тюркоязычные манускрипты.

В собрании ИВ АН СССР, где в арабописьменных рукописях представлены перечисленные выше тюркские языки, численно преобладают манускрипты на узбекском, турецком и татарском языках (примерно в равных соотношениях между собой, каждый насчитывает около 400—450 списков), затем следуют уйгурские рукописи (200 или чуть более списков), туркменские (более 20), азербайджанские (чуть более 25—30) и на прочих языках по несколько единиц.

В хранилищах Турции и почти во всех других зарубежных, кроме Восточного Туркестана и Индии, из тюркских манускриптов преобладают турецкие и лишь в небольшом числе по сравнению с ними имеются узбекские (чаще староузбекские) и азербайджанские. В Индии и, возможно, в Иране преобладают староузбекские и азербайджанские, в Восточном Туркестане имеются уйгурские и некоторое количество узбекских (среди них и староузбекские).

В Советском Союзе турецкие рукописи сосредоточены в основном в Ленинграде, Грузии, определенное число их есть и в Азербайджане; узбекские — в Средней Азии, в довольно большом количестве они имеются в Ленинграде, отчасти в Азербайджане и, еще меньше, в Туркмении; татарские — в Ленинграде, Поволжье и на Урале; уйгурские — в Ленинграде, Ташкенте; крымско-татарские — в Ленинграде, Баку; азербайджанские — в Баку, Ленинграде; туркменские — в Туркмении, Ленинграде; казахские — в Казахстане, отчасти в Ленинграде. Бесспорно, этот перечень будет в будущем уточнен.

Предварительно можно сказать, что в целом большая часть тюркских манускриптов находится в Турции и Советском Союзе, несколько уступают им все остальные хранилища мира, вместе взятые.

Все обилие тематических разделов представлено в тюркском фонде ИВ АН СССР, значительная их часть (но не все) — в собраниях Академии наук УзССР (Ташкент) и, в большей мере, библиотек Стамбула. Почти во всех хранилищах, кроме Алма-Аты и Ашхабада, есть тюркские рукописи по истории, поэзии, религии. В Алма-Ате имеются только записи фольклора, в Ашхабаде — также фольклорные записи и некоторое количество поэтических авторских сочинений. Конечно, описание всех 443

тюркоязычных фондов Советского Союза даст точные сведения об их составе и численности. Во многих каталогах довольно больших хранилищ (их перечень см. ниже) в разделе «история» несколько преобладает история Османской империи над всеобщей историей (обычно это общая история Ближнего и в значительно меньшей мере Среднего Востока). Сочинения по истории других стран, кроме нескольких историй арабских стран и отдельно Ирана, в каталогах единичны. Однако число это быстро возрастает до десятков и более сочинений, если собрание манускриптов находится в одной из соответствующих «одиночных» стран: так, в ИВ АН СССР преобладают в два раза по числу сочинений и почти в три по числу списков рукописи по истории народов СССР, в прошлом исповедовавших ислам. В каталоге уйгурских рукописей, составленном в Урумчи [Мухлисов, 1957], история характеризуется в основном сочинениями по истории Восточного Туркестана. Богато и разнообразно представленные разделы сочинений по истории народов СССР (общего плана; Поволжья — Урала, Сибири, Средней Азии, Крыма, Кавказа) и народов Восточного Туркестана составляют уникальную особенность собрания ИВ АН СССР, которое в отдельных своих частях имеет аналогии (возможно, даже с некоторым превышением) в хранилищах рукописей соответствующих союзных и автономных республик нашей страны (Ташкент, Баку, Казань).

Судя по имеющимся печатным каталогам, спискам, сообщениям и заметкам, тюркские манускрипты имеются не только в отмеченных выше районах расселения тюрков, но и в ряде городов Европы, Азии, Северной Африки и Северной Америки. Однако каталогизирована примерно лишь пятая часть всех тюркских рукописей мира — около 18 тыс. единиц [Дмитриева, Муратов, 1972, с. 145—147]. Отметим наиболее ценные и полные из каталогов, появившихся в печати в разное время и в разных странах: каталоги Б. А. Дорна (Публичная библиотека в Петербурге, 1852 г.), В. Д. Смирнова (Учебное отделение Министерства иностранных дел, Петербург, 1897 г.; эта коллекция в 1918 г. была передана в Азиатский музей), Г. Флюгеля (Публичная библиотека в Вене, 1865—1867 гг.), Ч. Ръё (Британский музей, Лондон, 1888 г.), В. Перча (Библиотека в Готе, Вена, 1864 г.; Библиотека в Берлине, 1889 г.), Э. Блоше (Национальная библиотека в Париже, 1932—1933 гг.), К. Цеттерстена (Университетская библиотека в Упсале, 1930 и 1936 гг.), Э. Росси (Библиотека Ватикана, Рим, 1953 г.), В. Ф. Минорского (Библиотека Честер Битти, Дублин, 1958 г.), Й. Блашковича и др. (Университетская библиотека в Братиславе, 1961 г.), Б. Флемминга и др. (библиотеки Тюбингена, Марбурга, в ко-

444 торых размещаются в настоящее время эвакуированные в годы

второй мировой войны рукописные фонды библиотеки в Берлине, — Висбаден, 1968 и 1974 гг.), турецкие каталоги библиотек Стамбула (описание диванов — 1947 г., исторических и географических сочинений — 1943—1960 гг., рукописей, содержащих Хамсе — 1961 г.), каталоги Академии наук УзССР (Ташкент, 1952—1967 гг.) и др. Не потеряли своего значения и старые каталоги, изданные арабским письмом: Дагистани (Библиотека Хедива в Каире, 1306/1888-89 г.), стамбульских библиотек (1300/1882-83—1312/1894-95 гг., в 40 выпусках). Последний каталог почти не используется исследователями, в то время, как он содержит описание более 60 тыс. рукописей и некоторого количества книг на арабском, иранских и тюркских языках, лишь небольшая доля этих тюркских манускриптов вошла в указанные выше позднейшие турецкие каталоги.

Подводя итоги всему изложенному, отметим еще раз, что тюркоязычная письменно-литературная традиция в восточно-туркестанском ареале началась в XI в., но, видимо, прерывалась в XII—XVI вв., возобновившись с XVIII в. (конца XVII в.), и продолжалась до начала XX в. В среднеазиатском ареале она существовала непрерывно с XII в. (XII—XIV в. — в Хорезме) до начала XX в., а в закавказском (азербайджанском), малоазиатском (турецком) и поволжско-уральском — с XIII до начала XX в. Возможно, в восточнотуркестанском ареале в XII—XVI вв. письменно-литературная тюркоязычная традиция переместилась во второй «культурный» район Караханидского государства — западный (центр на Сырдарье, культура тюрко-иранская). С другой стороны, в Моголистане (государство Чагатаидов), занимавшем с XIV в. по 80-е годы XVII в. территорию первого «культурного» района Караханидского государства — восточного (центр в Кашгаре и Баласагуне, культура уйгурская), не найдено тюркоязычных письменных памятников¹². Напомним, что для Моголистана указанного

¹² В связи с этим интересно предисловие переводчика Мухаммеда Нийаза к выполненному им в 1253/1836-37 г. уйгурскому переводу персидского сочинения Мухаммеда Хайдара (XVI в.) «Тарих-и Рашиди» («История Рашиди»): «Сановные вельможи Яркенда не раз говорили мне, что край этот принадлежит к области Моголистана и является местопребыванием ханов. Жизненные обстоятельства ханов от времени Чингиза до пресечения ханской династии в Моголистане неизвестны. Неизвестно также, сколько правителей царствовало в этом вилайете, каковы были установленные порядки, как они соблюдались и когда перестали действовать. „Вот если бы ты добыл книжку, где излагалась история правления ханов, или нашел достойного доверия сказителя, который поведал бы об этих событиях, с тем чтобы имена могольских ханов не исчезли в здешнем мире и их жизненные обстоятельства не остались в забвении“» (рук. ИВ АН СССР D 120, л. 6а—11а) [Султанов, 1978, с. 144—145]. «Тарих-и Рашиди» представляет собой историю последних 445

периода характерны были внутренние миграции населения, постоянная внутренняя феодальная борьба и связи с ираноязычными соседями. Все это дает некоторые основания предполагать, что такие памятники могли просто не сохраниться или что письменная литература существовала здесь в иной языковой (ираноязычной?) или письменной (уйгурографичной?) оболочке.

В среднеазиатском ареале центры культуры и тюркоязычной письменной литературы менялись, как и границы самого ареала, на протяжении всей его истории: Хорезм, Герат, Самарканд, Хива — Бухара — Коканд. Менялись и границы поволжско-уральского ареала: западные районы Золотой Орды (Поволжье, южнорусские степи, Крым, Египет) в XIII—XIV вв., Казанское ханство (Поволжье) в XV—XVIII вв., Поволжье и Урал в XVIII—начале XX в. — с постоянно расположенным на Волге (в различных районах) центром, к которому в XIII—XVI вв. добавился второй — в Египте.

Видимо, можно говорить о единой связывающей все ареалы тюркоязычной письменно-литературной традиции, которая начинается в XI в. в восточнотуркестанском ареале, в XII в. переходит в Хорезм (среднеазиатский ареал), затем распространяется на весь среднеазиатский ареал, перемещается в закавказский (азербайджанский) и малоазиатский (турецкий) ареалы. Из Хорезма в XIII—XIV вв. в другом языковом варианте она проникает в Поволжье, южнорусские степи, Крым, Египет (поволжско-уральский ареал). В период Джучидов и особенно Тимуридов данная письменно-литературная традиция характеризуется большим влиянием языка и письменной литературы среднеазиатского ареала на восточнотуркестанский, поволжско-уральский, отчасти закавказский (азербайджанский), малоазиатский (турецкий) ареалы.

Широкое тематическое разнообразие характерно для среднеазиатского и малоазиатского (турецкого) ареалов, но только в последнем имели место официальная историография, законодательная литература, наставления и образцы документов, официальных и частных писем, обусловленные, на наш взгляд, единой длительной «государственностью» (династия Османов). Только в первом были представлены словари к произведениям Навои. Для этих двух ареалов, а также закавказского (азербайджанского) отмечается развитие «диванной» поэзии, жизнеописа-

правителей из рода Чингизидов в Средней Азии и Кашгарии от Тоглук-Тимур-хана (748—764/1348—1362) до 952/1545—46 г. Современные автору события описаны в виде мемуаров. В сочинении приводятся некоторые правила поведения государей и поучительные рассказы о шейхе Шихабеддине Махмуде [Дмитриева и др., 1965, № 87].

ний поэтов с образцами (антологиями) их творчества. В восточнотуркестанском и среднеазиатском ареалах широкое распространение получили обрядники ремесленников, местные исторические хроники. В поволжско-уральском ареале преобладала местная история (полулегендарного характера), религиозная литература учебного плана и собственно учебные пособия по разным областям знаний XIX—начала XX в.

Во всех ареалах, кроме поволжско-уральского, переводы делались в основном с иранских языков, а в последнем — с арабского (только немногие образцы художественной прозы переводились здесь чаще с персидско-таджикского оригинала). Меньше всего переводов осуществлялось, видимо, в закавказском (азербайджанском) ареале. Это объясняется, вероятно, тем, что персидский язык был официальным для государств этого ареала, а потому местное население и знало его лучше, чем в других ареалах.

Специфические черты в оформлении рукописей проявлялись в восточнотуркестанском ареале. В малоазиатском (турецком), закавказском (азербайджанском) и особенно среднеазиатском ареалах господствовала иранская художественная традиция в оформлении тюркоязычных манускриптов с внесением некоторых своих черт (в более ранние и поздние периоды). В поволжско-уральском ареале отсутствовали художественные образцы в оформлении рукописей и в целом, видимо, повторялось оформление рядовых образцов арабской рукописной книги.

Письменность в восточнотуркестанском ареале (в XI в.) и отчасти среднеазиатском (для Хорезма XII—XIV вв.) — арабская и уйгурская, в остальных ареалах — только арабская. Особенностью последней для ранних образцов малоазиатского ареала являлось употребление *харакетов* (огласовок) и раздельное написание аффиксов и корня.

Конечно, по мере дальнейшего изучения ареалов арабской письменной тюркоязычной рукописной книги сведения о ней будут уточняться и дополняться.

Азимджанова, Вороновский, 1963. — А з и м д ж а н о в а С. А., В о р о н о в с к и й Д. Г. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. — Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963.

Акимущикин, Иванов, 1968. — А к и м у ш к и н О. Ф., И в а н о в А. А. О мавераннахрской школе миниатюрной живописи XVII в. — НАА. 1968, № 1.

Амин ал-Холи, 1962. — А м и н а л - Х о л и. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв., М., 1962.

Бартольд, 1966. — Б а р т о л ь д В. В. Культура мусульманства. — Сочинения. Т. 6. М., 1966.

- Баскаков, 1969. — Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
- Бертельс, 1962. — Бертельс Е. Э. Новая рукопись Куллийата Фузули. — Избранные труды. Низами и Фузули. М., 1962.
- Боровков, 1963. — Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тевсира XII—XIII вв. М., 1963.
- Валидов, 1915. — Валидов А. Восточные рукописи в Ферганской области. — ЗВРАО. Т. 22, 1915.
- Валитова, 1973. — Валитова А. А. Типология восточной поэмы. — СТ. 1973, № 4.
- Грунина, 1971. — Грунина Э. А. К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII—XIV вв. — СТ. 1971, № 4.
- Гуревич, 1972. — Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Демидова, Костыгова, 1963. — Демидова М. И., Костыгова Г. И. Фонды рукописей и печатных изданий на языках народов Востока в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. Статьи и сообщения. М., 1963.
- Демирчизаде, 1947. — Демирчизаде А. Огузо-кыпчакские элементы в азербайджанском языке. — Труды Института языка АН АзССР. Баку, 1947, т. 1 (на азерб. яз.).
- Дмитриева, 1964. — Алышйр Нава'йи. Диван. Издание текста, предисловие и указатели Л. В. Дмитриевой. М., 1964.
- Дмитриева и др., 1965. — Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения [АН СССР]. Вып. 1. История. М., 1965.
- Дмитриева, Муратов, 1972. — Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. Каталог, списки и обзоры тюркских рукописей XVIII—XX вв. — ППВ-69. 1972.
- Иванов, 1967. — Иванов А. А. Материалы для библиографии работ о ближневосточной миниатюре. — НАА. 1967, № 1.
- Иванов, 1968. — Иванов А. А. Материалы для библиографии работ о ближневосточной миниатюре. 2. — НАА. 1968, № 3.
- Каграманов, 1973. — Каграманов Дж. В. О рукописях произведений Имадеддина Насими. — СТ. 1973, № 5.
- Казиев, 1959. — Казиев А. Ю. О миниатюрах Садиг бека Афшара. — Доклады АН АзССР. Т. 15, № 2, 1959 (на азерб. яз.).
- Казиев, 1964. — Казиев А. Ю. Об искусстве азербайджанской миниатюры конца XVI и начала XVII в. — Искусство Азербайджана. Т. 10. Баку, 1964.
- Казиев, 1977. — Казиев А. Ю. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII—XVIII вв. М., 1977.
- КЛЭ, 1966. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М., 1966.
- Кононов, 1972. — Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугатит-турк». — СТ. 1972, № 1.
- Крачковский, 1957. — Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. — Избранные сочинения. Т. 4. М.—Л., 1957.
- Кушев, 1980. — Кушев В. В. Афганская рукописная книга. М., 1980.
- Малов, 1928. — Малов С. Е. Ибн-Муханна о турецком языке. — Записки Коллегии востоковедов. Т. 3. Вып. 2. Л., 1928.
- Малов, 1951. — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.
- Мамедова, 1974. — Мамедова Э. О некоторых приемах художественного оформления хивинских рукописей XIX в. — Общественные науки в Узбекистане. Таш., 1974.

- Мелиоранский, 1900. — Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- Мугинов, 1958. — Мугинов А. М. Персидская универсальная рукопись Рашид ад-дина. — «Ученые записки Института востоковедения». Т. 16. М.—Л., 1958.
- Мугинов, 1962. — Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.
- Мухлисов, 1957. — Йусупбейк Мухлисов. Уйгур классик адабияти қўлйазмалариниң каталуги. [Урумчи], 1957 (араб. письмом).
- Наджиц, 1974. — Наджиц Э. Н. Сравнительный анализ текстов наманганского и каирского списков «Кутадгу билиг». — СТ. 1974, № 6.
- Наджиц, 1976. — Наджиц Э. Н. О языке памятника начала XIII в. «Кисса-и Юсуф» Али. — СТ. 1976, № 2.
- Неру, 1955. — Неру Д. Открытие Индии. М., 1955.
- Самойлович, 1909. — Самойлович А. Н. О хивинской придворной библиотеке и книгопечатании. — ЗВОРАО. Т. 19, 1909.
- Семенов, 1958. — Семенов А. А. Среднеазиатские рукописные фонды и важность их изучения. — Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте. 4—11 июня 1957 г. Таш., 1958.
- Сиди Али Рейс, 1963. — Сейди Али Раис. Миратул Мамолик. Тошкент, 1963.
- Смирнов, 1898. — Смирнов В. Д. Турецкие легенды о святой Софии, о других византийских древностях. СПб., 1898.
- Собрание, 1952. — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1952.
- Собрание, 1964. — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 7. Таш., 1964.
- Сулейман, 1960. — Сулейман Х. Опыт изучения и составления критического текста рукописных диванов Алишера Навои. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М., 1960.
- Сулейманов, 1980. — Сулейманов Х. С. По рукописным фондам Индии. — СТ. 1980, № 2.
- Султанов, 1961. — Султанов М. Республиканский рукописный фонд. — РЭФЭ Т. 1. Баку, 1961.
- Султанов, 1978. — Султанов Т. И. Некоторые вопросы тюркской среднеазиатской переводной литературы. — ТС-76. 1978.
- Умаров, 1974. — Умаров Э. Новонайденный словарь к произведениям Навои. — СТ. 1974, № 1.
- Фазылов, 1971. — Фазылов Э. И. Огузские языки в трудах восточных филологов XI—XIII вв. — СТ. 1971, № 4.
- Хафизова, 1972. — Хафизова А. «Келурнаме» Мухаммеда Якуба Чинги. — СТ. 1972, № 3.
- Чобров, 1964. — Чобров Г. Н. К истории среднеазиатского книжного переплета. — НАА. 1964, № 2.
- Шаришов, 1973. — Шаришов А. М. Творческое наследие Абдурахима Утыз-Имани и светские мотивы в его поэзии. Автореф. канд. дис. Казань, 1973.
- Якубовский, 1946. — Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. — Алишер Навои. Сборник статей. М.—Л., 1946.
- Гәһрәманов, 1976. — Гәһрәманов Ч. Кишвәриниң бир әлјазма «Диван»ы һаггында. — РЭФЭ. Т. 4, 1976.

- Мајылова, 1963. — М а ј ы л о в а Е. Нөввабын автографларындан. — РӨФӨ. Т. 2, 1963.
- Мөммədова, 1976. — М ə м м ə д о в а М. XIII—XIV əсрлəрдə јашамыш Азəрбајчанлы лексикографы. — РӨФӨ. Т. 4, 1976.
- Нағыјева, 1963. — Н а ғ ы ј е в а Ч. Азəрбајчанда əн чох јајылмыш əлјазмалрындан. — РӨФӨ. Т. 2, 1963.
- РӨФӨ — «Республика əлјазмалары фондунун əсəрлəri». Бакы.
- Bazin, 1957. — B a z i n L. Les dates de rédaction du «Divan» de Kāš-gari. — «Acta Orientalia Hungarica». Т. 7. Fasc. 1. Budapest, 1957.
- Hartmann, 1904. — H a r t m a n n M. Die osttürkischen Handschriften der Sammlung Hartmann. Sonderabdruck aus den Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Jg. 7. Abt. 2. Westasiatische Studien. B., 1904.
- Mansuroğlu, 1959. — M a n s u r o ğ l u M. Das Altosmanische. — PhTF. Vol. 1. 1959